

Белинская Е.П. // E.P. BELINSKAYA

Проблема личности и общества в гуманитарных науках на рубеже 19 и 20-го в.в.: междисциплинарный анализ
Le problème de la personne et de la société dans les sciences humaines au tournant du XIXe et du XXe siècle : analyse interdisciplinaire

Traduction assurée dans le cadre de l'ATTESH (Atelier de Traduction de Textes en Sciences Humaines) par : Mariya Shumava, Agnieszka Kostrubiec, Oxana Fominykh, Natalya Kokhaneych, Svetlana Tronina, Dominique Valat, Kristina Poliakova, Olga Soldatkina, Olga Konkka, Marina Boukaïdi, Alissa Lugovskaïa, Iulia Sherenkova, supervisée et corrigée par Maryse Dennes.

1. Одним из принципиальных и уже повсеместно признаваемых векторов развития современного гуманитарного знания является критика позитивистски ориентированного ее варианта. Данное движение, нередко обозначаемое как движение за создание «новой парадигмы», возникновение «постнеклассической науки» и т.п., отражая общую для эпохи постмодерна «гуманитаризацию» общественных наук, в максимальной степени характерно сегодня для психологического знания и, в частности, для социальной психологии. Интересно, что одновременно методологическая оценка современного состояния социальной психологии нередко заставляет исследователей констатировать в ней наличие ряда специфических тенденций, которые зачастую – особенно, если эта оценка производится не самими социальными психологами, - трактуются как утрата ею своего предмета, «растворение» ее в других областях психологии и обществознания в целом или же, в предельном случае, как сомнения в возможностях ее развития в принципе. И нельзя не согласиться с Г.М.Андреевой, отмечающей насущную необходимость всячески способствовать признанию в профессиональном сообществе гуманитариев определенной «инаковости» социальной психологии, связанной и с ее пограничным статусом как научной дисциплины, и со всей историей ее становления и развития. Как справедливо отмечается, «способ преодолеть подобные трактовки один – более пристальное знакомство с реальными идеями в социальной психологии» [Андреева, 2009, с.33].

1. Traduction Schumava : À l'époque contemporaine, un des vecteurs fondamentaux et déjà universellement reconnus du développement des sciences humaines est la critique de leur variante positiviste. Ce mouvement qui est souvent présenté comme pouvant permettre la création d'un « nouveau paradigme », l'émergence d'une « science post-non-classique » etc., et qui reflète, à l'époque postmoderne, la tendance générale à « humaniser » les sciences sociales, est aujourd'hui tout-à-fait caractéristique des sciences psychologiques, en particulier, de la psychologie sociale. Parallèlement, il est intéressant de remarquer que, d'un point de vue méthodologique, l'état actuel de la psychologie sociale conduit souvent les chercheurs à constater la présence en elle d'un certain nombre de tendances spécifiques, qui sont le plus souvent interprétées (surtout si l'évaluation n'est pas faite par des spécialistes de ce domaine) comme la perte, par la psychologie sociale, de son propre objet d'études, comme sa « dissolution » dans d'autres domaines de la psychologie et des sciences sociales en général ; ou encore, dans le cas le plus extrême, comme un doute sur sa capacité à se développer fondamentalement. Il est difficile de ne pas approuver G.M. Andreieva lorsqu'elle parle du besoin urgent de contribuer, par tous les moyens, à la reconnaissance par la communauté scientifique d'une certaine « altérité » de la psychologie sociale, liée à son statut marginal en tant que discipline scientifique ainsi qu'à l'histoire de sa formation et de son développement. G.M. Andreieva écrit à juste titre à ce propos : « il n'y a qu'un seul moyen de surmonter de telles interprétations, c'est une connaissance plus profonde des idées véritables de la psychologie sociale » [Andreieva [Andreieva], p. 33].

2. Как известно, начальный период становления социальной психологии в виде самостоятельной области знания датируется концом девятнадцатого столетия. Именно в это время в рамках общественных наук и в Западной Европе, и в России возникают концепции, которые впоследствии будут категоризованы как первые формы собственно социально-психологического знания. Основная проблема, стоявшая в центре их внимания – проблема личности и общества, проблема соотношения индивидуального и социального. Очевидно, что данная проблематика не являлась и не является специфически социально-психологической, будучи смыслообразующей для всего спектра наук о человеке. А потому отнесение возникающих концепций к новой области гуманитарного знания окажется вызвано не только и не столько новизной предмета анализа, сколько характером применяющихся интерпретаций, впервые пытающихся совместить социальный и собственно психологический анализ исследуемых реалий. Во многом именно этот начальный этап становления социальной психологии задаст на все грядущее столетие ее «пограничный» характер, ее очевидный междисциплинарный статус, опирающийся и на социологию, и на психологию. Именно подобная позиция «между» на протяжении всей истории мировой социальной психологии обуславливала ее повышенную «чувствительность» к методологическому поиску и готовность к постоянной методологической саморефлексии, гораздо более выраженным, чем в любом другом гуманитарном знании. Сегодня результаты этой рефлексии становятся востребованными не только в силу их очевидного науковедческого значения, но и в контексте новых трактовок проблемы личности и общества, в рамках общемирового поворота гуманитарной мысли к методологии субъективной рациональности.

2. Traduction Kostrubiec : Comme nous le savons, le début de la période de formation de la psychologie sociale, en temps que domaine autonome de connaissance, date de la fin du XIXe siècle. C'est précisément durant cette époque qu'apparaissent, en Europe occidentale et en Russie, dans le cadre des sciences sociales, des théories qui seront par la suite considérées comme les premières formes du savoir en psychologie sociale. Le principal problème au centre de leur attention était celui de la personne et de la société : celui du rapport entre l'individu et le social. Manifestement, cette problématique qui génère du sens pour tout le spectre des sciences humaines, autant aujourd'hui que dans le passé, n'apparaît pas spécifique à la socio-psychologie. C'est ainsi que le rattachement d'idées émergentes à un domaine nouveau des sciences humaines sera causé non pas tant par la nouveauté du sujet d'analyse que par le caractère des interprétations qui lui seront appliquées, et qui, pour la première fois, permettront d'associer une analyse sociale à une analyse proprement psychologique des réalités étudiées. À maints égards, c'est cette première étape de la genèse de la psychologie sociale qui établira, pour le siècle à venir, son caractère « marginal », son statut interdisciplinaire évident, reposant à la fois sur la sociologie et sur la psychologie. Et c'est précisément cette position, d'« entre deux » (présente partout, tout au long de l'histoire de la psychologie sociale) qui fut à l'origine de sa « sensibilité » accrue pour la recherche dans le domaine de la méthodologie, et pour le développement d'une réflexion méthodologique permanente (chose beaucoup plus prononcée que dans n'importe quelle autre discipline des sciences humaines). Aujourd'hui, les résultats de cette réflexion sont très attendus, non seulement en vertu de leur valeur scientifique évidente, mais encore dans le contexte des nouvelles interprétations des problèmes de la personne et de la société, dans le cadre de ce tournant général qui conduit les sciences humaines à se tourner vers la méthodologie de la rationalité subjective.

3. Что же касается отечественной социальной психологии, то, она, несмотря на свою более чем сложную судьбу, в полной мере испытав на себе идеологический прессинг тоталитаризма и имея в результате практически 50-летний перерыв в возможностях своего развития, сегодня оказывается крайне восприимчива к данному парадигмальному «слому» гуманитарных наук в целом. Представляется, что подобная ее «чувствительность» к основному методологическому тренду современности имеет в истории русской общественной мысли достаточно отдаленные гносеологические предпосылки. Одной из них, с нашей точки зрения, было своеобразие трактовок проблемы личности и общества в русской социологии конца 19-го – начала 20-го в.в., в рамках которой собственно и «вызрели» первые формы социально-психологического знания в России. Это своеобразие в значительной степени формировалось и оттачивалось в полемике с западноевропейскими коллегами, и, в частности, с представителями французской социологической школы. Подобный, иногда заочный, а временами – очный, диалог имел различные воплощения: от, в общем, случайных смысловых и интерпретационных пересечений теории «психологии масс» Г.Лебона и концепции «героев и толпы» Н.К.Михайловского до непосредственного научного сотрудничества русских и французских гуманитариев в рамках известной Русской высшей школы общественных наук в Париже.

3. Traduction Fominykh : En ce qui concerne la psychologie sociale en Russie, celle-ci, après avoir fortement éprouvé la pression idéologique du totalitarisme qui la conduisit à une rupture de cinquante ans dans son développement, est aujourd'hui, malgré son destin plus que tourmenté, extrêmement sensible à cette « crise » paradigmatique des sciences humaines. Il semble que cette « sensibilité » par rapport à la tendance méthodologique principale d'aujourd'hui ait, dans l'histoire de la pensée sociale russe, des présupposés épistémologiques relativement éloignés. De notre point de vue, dans le cadre de la sociologie russe de la fin du XIXe et du début du XXe siècle, où « mûrissaient » en Russie les premières formes du savoir en psychologie sociale, l'un de ces présupposés consistait à interpréter de façon particulière le problème de la personne et de la société. Cette particularité était apparue et s'était affinée de façon signifiante dans la polémique engagée avec les collègues d'Europe occidentale, et, en particulier, avec les représentants de l'école française de sociologie. Un tel dialogue, parfois direct, et de temps en temps à distance, eut des incarnations variées allant, en général, des croisements de sens et d'interprétation qui apparurent entre la théorie de la « psychologie des masses » de G. Lebon et la conception « des héros et de la foule » de N.K. Mikhaïlovski jusqu'à une coopération scientifique directe entre les scientifiques russes et français, au sein de la célèbre Ecole russe supérieure des sciences humaines de Paris.

<p>4. Итак, какие именно воплощения имела проблема личности и общества в русской общественной мысли рубежа эпох? В чем проявлялись схожесть и различия ее трактовок по отношению к западноевропейскому гуманитарному знанию? Для поиска ответов на эти вопросы обратимся вначале к анализу того социокультурного контекста, который в значительной степени актуализировал интерес представителей всего русского обществознания и особенно социологов к данной проблеме. Забегая вперед, заметим, что данный контекст во многом стал причиной своеобразной переформулировки этой проблемы, а именно – заставил мыслить ее преимущественно как проблему взаимоотношения социального прогресса и личностного развития. Что же конкретно составляло данный контекст?</p>	<p>4. Traduction Shumava : Et donc, comment se présentait le problème de l'individu et de la société dans l'opinion publique russe à cette époque charnière ? Quelles étaient les similitudes et les différences de son interprétation par rapport aux sciences humaines de l'Europe occidentale ? Pour trouver des réponses à ces questions nous nous tournons d'abord vers une analyse du contexte socioculturel qui a fortement éveillé l'intérêt des représentants des sciences humaines russes et surtout des sociologues envers ce problème. Plus tard on verra que ce contexte a grandement participé à causer une sorte de reformulation de ce problème en le présentant comme un problème d'interdépendance entre le progrès social et le développement personnel. Alors quel était concrètement ce contexte ?</p>
--	--

5. Социо-культурный контекст проблематики личности и общества в русской общественной мысли рубежа 19-го и 20-го веков.
5 Le contexte socioculturel de la problématique de la personne et de la société dans la pensée sociale russe au tournant des XIXe et XXe siècles.

<p>В качестве его <i>первой характеристики</i> следует отметить известную противоречивость реалий экономической, политической и социальной жизни России того времени.</p> <p>5.b Быстрая концентрация промышленного производства, ускорение процесса монополизации экономики, повлекшие за собой резкое социальное расслоение, а потом и активное появление на политической «арене» страны новых социальных групп и слоев, вся объективная сложность процесса русской капитализации, происходившего в сдерживающих условиях самодержавия, утверждала в общественном сознании идею неоднозначности социально-экономического развития страны, вновь и вновь обращала общественное внимание к множественности трактовок прогресса.</p> <p>5.c Подобная объективная ситуация на уровне социальных наук вызывала к жизни понимание ограниченности любых однофакторных теорий социального развития и все более утверждающийся отказ от жестких причинно-следственных объяснений социальных реалий.</p>	<p>5. Traduction Shumava : En tant que première caractéristique, il convient de relever la contradiction bien connue des réalités inhérentes à la vie économique, politique et sociale de la Russie de cette époque. La concentration rapide de la production industrielle et l'accélération du processus de monopolisation de l'économie, qui avaient causé une forte stratification de la société, puis l'apparition active sur l'« arène » politique du pays de nouveaux groupes et de nouvelles couches sociales, en un mot, toute la complexité objective du processus de capitalisation, qui se passait, en Russie, dans les conditions contraignantes de l'autocratie, tout cela maintenant dans la conscience sociale l'idée d'une plurivocité du développement socioéconomique, et poussait de plus en plus l'opinion publique à formuler des interprétations diverses du progrès. Une telle situation entraîna, dans le domaine des sciences sociales, une meilleure compréhension des limites de toutes les théories qui expliquaient le développement social en ne prenant en considération qu'un seul facteur, et le rejet de plus en plus affirmé des explications abruptes des faits sociaux, basées sur les simples relations de causes à effets.</p>
--	--

6. Так, одним из ярких примеров непосредственного влияния социально-экономического и политического фона России того времени на содержание общественной мысли выступают взгляды позднего Н.К. Михайловского, представленные им в концепции «героев и толпы», которая по праву считается одной из заметных социально-психологических позиций русской этико-социологической школы. В значительной степени эта концепция возникла как непосредственный отклик яркого публициста на конкретные события общественной жизни России конца 19-го века – в частности, «холерные беспорядки» и еврейские погромы 80-х – 90-х годов. Фактически она сформировалась в цикле статей в течение всего этого беспокойного десятилетия, во многом следуя событийной логике происходящего¹. Предчувствие смены образа жизни и всего культурного контекста в силу реалий бурного развития капитализма в России, неотвратимое наступление «века масс» взамен ожидаемой эпохи «просвещенного народа» отразилось в мировоззрении позднего, уже отошедшего к этому времени от идей народничества, Н.К. Михайловского как идея антагонизма личности и общества, противостояния идеалов человечности и естественного хода исторического развития. Примечательно, что данные основания отчетливо рефлексировались самим мыслителем. Так, в эти годы он без прежнего оптимизма смотрит на будущее России, отмечая ее «зародышевое состояние», которое может «повернуть в разные стороны, как хорошие, так и дурные» [Михайловский, 1998, с. 308]. И в значительной степени эта существенная перемена взглядов исследователя была связана с общественной ситуацией России конца 19-го века, когда «под покровом толков о народе началась самая гнусная, самая возмутительная травля на

6. Traduction Shumava : L'un des exemples de l'influence directe que le contexte politique et socio-économique exerça, à l'époque, en Russie, sur le contenu de la pensée publique est celui de N.K. Mikhailovski, qui présenta tardivement son point de vue dans sa conception sur « les héros et la foule », considérée de droit comme l'une des positions socio-psychologiques les plus remarquables de l'école russe de sociologie morale. Cette conception est apparue principalement comme la réaction immédiate d'un publiciste remarquable aux événements concrets de la vie sociale russe de la fin du XIXe siècle, et en particulier, aux « émeutes du choléra » et aux pogroms anti-juifs des années 1880-1890. En réalité, cette conception a été élaborée tout au long de cette décennie tourmentée, dans une série d'articles qui, pour la plupart, suivaient l'ordre logique des événements. Le pressentiment des changements liés au développement rapide du capitalisme en Russie (changements du mode de vie et de tout le contexte culturel), l'approche irréversible du « siècle des masses » devant remplacer l'époque de « peuple éclairé », tout cela se refléta dans la conception du monde tardive de N.K. Mikhaïlovski, alors qu'il s'était déjà éloigné des idées populistes. Il s'agissait, pour lui, de mettre en avant l'antagonisme entre la personne et la société ainsi que l'opposition des idéaux de l'humanité et du cours naturel du développement de l'histoire. Il est à noter que le penseur avait une conscience claire de toutes ces raisons. Ainsi, à cette époque, regardait-il l'avenir de la Russie avec beaucoup moins d'enthousiasme. Il relevait l' « état embryonnaire » de son pays, qui, dans son développement, pouvait « pouvait prendre différentes directions, bonnes ou mauvaises » [Mihajlovskij (Mikhaïlovski), 1998, p. 308]. Pour une grande part, ce changement essentiel dans les idées du chercheur fut lié à la situation sociale de

¹ Так, в период 80–90-х гг. девятнадцатого века Н.К. Михайловский публикует ряд публицистических статей, объединенных одной проблематикой: «Герои и толпа» (1882), «Научные письма: к вопросу о героях и толпе» (1884), «Патологическая магия» (1887), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893). Первые две из них выйдут в «Отечественных записках», а более поздние – в журнале «Русское богатство», и будут опубликованы как единый цикл лишь в посмертном издании собрания сочинений автора 1906 года.

Ainsi, pendant les années 1880-1890, N.K. Mikhaïlovski publie une série d'articles réunis autour d'une problématique : « Geroi i tolpa » [Les héros et la foule] (1882), « Naučnye pis'ma : k voprosu o gerojah i tolpe » [Lettres scientifiques : contribution à l'étude des héros et de la foule] (1884), « Patologičeskaja magija » [La magie pathologique] (1887), « Ešče o gerojah » [Encore une fois à propos des héros] (1891), « Ešče o tolpe » [Encore une fois qu sujet de la foule] (1893). Les deux premiers articles seront publiés dans *Otečestvennye zapiski* [Les Annales de la Patrie], et les derniers dans la revue *Russkoe bogatsvo* [La Richesse russe], ils ne seront réunis en un cycle entier que dans l'édition posthume des œuvres de l'auteur, en 1906.

интеллигенцию, а вместе с нею и на просвещение вообще» [Бердяев, 1989, с. 289–290]. По свидетельству самого Н.К. Михайловского, обращение в это время к проблематике «героев и толпы» имело для него прежде всего личностный смысл – так как именно в эпоху реакции, когда каждый «засосан мелкой и узкой действительностью» [Михайловский, 1998, с.193], актуализируется извечное человеческое стремление к идеалу. Таким идеалом для всего поколения Н.К.Михайловского было желание – при известной увлеченности анализом объективных причин социальных явлений и нередких отсылках к «естественнонаучным» основаниям прогресса, – самому стать активным субъектом истории, противопоставить активное вмешательство личности, воодушевленной сознательно намеченными и нравственными целями, «естественному ходу вещей». Именно поэтому тема «героев и толпы» стала для исследователя саморефлексией положения того поколения либерально-демократической интеллигенции, которое в 80–90-е гг. оказалось наиболее чувствительным к факту, что в русской общественной жизни «слова остались, животворящий дух исчез» [Бердяев, 1989, с. 159].

la Russie de la fin du XIXe siècle, lorsque « sous le couvert de certaines idées circulant au sujet du peuple, commença la plus odieuse et la plus scandaleuse des persécutions contre l'intelligentsia » [Berdjaev (Berdiaev), 1989, p. 289-290]. Selon N.K. Mikhaïlovski, l'intérêt qu'il éprouva à l'époque pour la problématique des « héros et [de] la foule » avait une signification principalement personnelle, car c'était précisément à cette époque de la réaction, lorsque chaque individu « s'enlisait dans les petites choses mesquines de la vie » [Mikhaïlovski, 1998, p.193], que redevenait actuelle la vieille aspiration de l'homme à un idéal. Pour toute la génération de N.K. Mikhaïlovski (avec, comme nous le savons, une attirance pour l'analyse des causes objectives des phénomènes sociaux et l'usage des « sciences naturelles » pour fonder le progrès) cet idéal correspondait au désir de chacun de devenir un sujet actif de l'histoire, d'opposer au « cours naturel des choses » l'intervention active de la personne, inspirée par des buts moraux consciemment établis. C'est précisément pour cette raison que le thème des « héros et [de] la foule » est devenu, pour le chercheur, une réflexion personnelle sur la situation de l'intelligentsia libéro-démocrate, qui, dans les années 1880-1890, s'est avérée particulièrement sensible au fait que, dans la vie publique en Russie, « les mots étaient restés, mais l'esprit créateur de vie avait disparu » [Berdiaev, 1989, p.159].

В качестве *второй* фундаментальной *характеристики* социокультурного контекста развития проблематики личности и общества в русской общественной мысли рубежа 19-го и 20-го веков следует отметить то, что это было также время пересмотра многих характеристик привычной картины мира в силу фундаментальных открытий в точных науках - математике, физике, химии, физиологии. Обнаружившееся в естественнонаучном знании «исчезновение материи» с новой остротой ставило перед гуманитарными науками вопрос о природе человека как значимого элемента этой потерявшей определенность действительности. Заметим здесь же, что принципиальных векторов решения данного вопроса выделялось, как минимум, три.

7. Traduction Shumava : Si l'on prend en compte le *deuxième trait caractéristique* fondamental du contexte socioculturel du développement de la problématique de la personne et de la société dans la pensée sociale russe à la charnière du XIXe et du XXe siècles, il faut noter que nous avons affaire à une époque de révision de nombreuses caractéristiques de la représentation du monde ; et ceci était lié aux recherches fondamentales dans les sciences exactes : mathématiques, physique, chimie, physiologie. Avec la découverte de la « disparition de la matière » dans les sciences naturelles, les sciences humaines se trouvaient affrontées avec une nouvelle acuité à la question de la nature de l'homme en tant qu'élément porteur de sens dans une réalité floue. Remarquons ici qu'au minimum trois vecteurs principaux peuvent être mis en avant pour résoudre ce problème.

8. Во-первых, подобная неопределенность физического мира провоцировала на отказ от идей жесткой детерминации вообще и, в частности, в понимании социальной детерминации личности; иными словами, дискредитировала саму идею социального начала в человеке. При всей возможной обоснованности, подобная позиция была не слишком созвучна русской общественной мысли, т.к. ее безоговорочное принятие накладывало бы свои, не всегда приемлемые, ограничения на понимание ряда немаловажных проблем - например, неизбежное при этом утверждение принципа релятивизма в трактовке моральных норм. Второе возможное решение состояло в признании биологического и социального начал в человеке в качестве двух исходно несовместимых модусов. Однако подобный взгляд также встречал свои возражения. Основное из них состояло в непринятии (при разделении такой позиции) в качестве основного отличия наук о человеке существования в них отличных от позитивистских принципов познания и, прежде всего, главенствования идей интуитивизма и иррационализма. И, наконец, в-третьих, был возможен отказ и от первого, и от второго пути решения, приводящий к попыткам совмещения рационального и иррационального пути познания. Именно эта позиция и возобладали, заметим, в конечном итоге в русской социологической мысли и задала такие решения проблемы личности и общества, при которых потом оказалось крайне трудно развести позитивистские и антипозитивистские позиции².

8. Traduction Schumava : Premièrement, un tel flou du monde physique invitait à refuser toute idée de détermination rigide en général et, en particulier, dans la compréhension de la détermination sociale de la personne ; autrement dit, cette indétermination discréditait l'idée même d'un principe social chez l'homme.

Quel que soit ce qui la fonde, cette position n'était pas vraiment en accord avec la pensée sociale russe, parce que son adoption inconditionnelle aurait imposé certaines restrictions, pas toujours acceptables, à la compréhension d'une série de problèmes importants ; par exemple, l'inévitable affirmation du principe du relativisme dans le traitement des normes morales. La deuxième solution possible était de reconnaître, en tant que deux modes initialement incompatibles, les fondements biologiques et sociaux dans l'homme. Toutefois, cette vision des choses rencontrait aussi ses propres objections. La principale d'entre elles consistait à refuser, au nom d'une spécificité des sciences humaines, l'existence de principes de la connaissance autres que positivistes et, avant tout, la prédominance des idées d'intuitivisme et d'irrationalisme. Et troisièmement, il y avait enfin la possibilité de refuser la première et la deuxième solution conduisant à des tentatives de combiner les voies rationnelles et irrationnelles de la connaissance. Remarquons notamment que cette position a prévalu en fin de compte dans la pensée sociologique russe et que c'est elle qui a apporté de telles solutions au problème de la personne et de la société, en fonction desquelles il s'est avéré plus tard extrêmement difficile de distinguer les positions positivistes et antipositivistes².

² Отметим здесь же, что начало подобной трактовке было положено несколько ранее рубежа веков. Так, еще в 70-80-е г.г. девятнадцатого столетия утверждение «субъективного метода» в воззрениях Н.К. Михайловского обратит внимание исследователей на определенную конвенциональность социальных реалий – в силу включения интерпретативного принципа в анализ социальности. Более того, именно это видение определит своеобразие дальнейших трактовок проблемы личностного развития, которое будет мыслиться как развитие активного субъекта, повсеместно нарушающего «внешние» детерминации – так как «включение человека в мировую цепь причин и следствий превращает его в пассивный механизм» [Михайловский, 1998, с. 43].

Remarquons ici que le début d'une telle interprétation date de la troisième partie du XIXe s. Ainsi, dans les années 1870-1880, l'adoption de « la méthode subjective » par N.K. Mikhaïlovski devait attirer l'attention des chercheurs sur le caractère conventionnel des réalités sociales en raison de l'introduction d'un principe interprétatif dans l'analyse de la socialité. Par ailleurs, c'est cette vision qui allait permettre de déterminer l'originalité des interprétations plus tardives du problème du développement personnel, qui sera pensé comme le développement d'un sujet actif, détruisant toute détermination « extérieure », puisque « l'introduction de la personne dans l'enchaînement universel des causes et des conséquences la transforme en mécanisme passif » [Mikhaïlovski, 1998, p.43].

9. Продолжая далее, заметим, что этот исторический период для представителей всех общественных наук в России (а для еще немногих, отождествлявших себя с социологическим знанием, - пожалуй, в наибольшей степени) был временем обострения противостояния с властными структурами. Это, нередко принимавшее довольно резкие формы противостояние представителей русской гуманитарной мысли и официальной власти, составляет *третью* возможную *характеристику* социо-культурного фона развития проблематики личности и общества. Оно имело различные воплощения. Так, именно рубежом 19-го и 20-го столетий датируются и запреты лекций ряда профессоров-обществоведов со стороны Синода в силу их ярко выраженной антиклерикальной позиции. Например, такова была позиция властей в отношении Е.В. Де Роберти, что в значительной степени усилило его ориентацию на западноевропейский путь профессиональной самореализации. Одновременно происходит зачисление социологии Министерством просвещения России в разряд «нежелательных областей знания», что будет иметь своим следствием исключение части лекционных университетских курсов из числа обязательных. Такая судьба, в частности, постигла курс по истории конституций западноевропейских стран, читаемый М.М.Ковалевским с опорой на ряд социологических идей О.Конта и Г.Спенсера в течение ряда лет в Московском университете и пользовавшийся неизменной популярностью у студентов. Подобная позиция властей закономерно завершилась все более и более распространявшейся практикой увольнений с профессорских должностей со знаковой для российской действительности формулировкой – «в силу отрицательного отношения к государственному строю». Так, именно по этой причине в 1887 году был уволен из Московского университета тот же М.М.Ковалевский.

9. Traduction Fominykh : En poursuivant, remarquons que pour les représentants des sciences humaines en Russie (et même pour une grande partie d'entre eux s'étant ralliés à la sociologie), cette période a été celle d'une aggravation de la confrontation avec le pouvoir. Et cette confrontation des représentants de la pensée en sciences humaines et du pouvoir officiel, ayant pris souvent des formes assez radicales, constitue une *troisième caractéristique* possible du fond socioculturel du développement de la problématique de la personne et de la société. Elle se manifesta de différentes façons. Ainsi, c'est au tournant du XIXe et du XXe siècle que l'on voit le Synode interdire des cours de certains professeurs en sciences sociales en raison de leur position anticléricale vivement exprimée. Par exemple, telle était la position du pouvoir à l'égard d'E.V. de Roberti, ce qui l'a renforcé de façon significative dans la voie de l'autoréalisation professionnelle, spécifique à l'Europe occidentale. En même temps, la sociologie est classée par le Ministère de l'Éducation dans la catégorie « des domaines indésirables du savoir », ce qui aura pour effet la suppression du caractère obligatoire de certains cours. Ce fut le sort subi, en particulier, par le cours d'histoire sur les constitutions des pays occidentaux de M.M. Kovalevsky, qui s'appuyait sur un certain nombre d'idées sociologiques d'A. Comte et de H. Spencer ; ce cours eut lieu plusieurs années à l'Université de Moscou et fut très populaire parmi les étudiants. Il est logique qu'une telle position des autorités se soit manifestée dans une pratique de plus en plus répandue, consistant à licencier les professeurs avec la formule suivante, spécifique de la réalité russe : « en raison de l'attitude négative à l'égard du régime ». C'est ainsi qu'en 1887, précisément pour cette raison, ce même M.M. Kovalevsky fut radié de l'Université de Moscou.

10. Представляется, что подобная ситуация имела два основных следствия для общественных наук в России.

10.b Первым из них стал тот факт, что создание определенных мировоззренческих «альянсов» в русской общественной мысли стало подчиняться не только и не столько логике объединенного научного поиска, сколько задачам более общего, гражданского характера, а именно – задачам консолидации усилий в социальном противостоянии «внешнему» давлению со стороны официальных властей.

10.c Во-вторых, эта ситуация приводила к неизбежному в подобных обстоятельствах обоснованию принципов методологического плюрализма, стремлению к методологическому синтезу в решении многих проблем (и в том числе – проблемы личности и общества) – но при неперемennom условии доминирования аксиологических оснований.

10.d Закономерно, что центральное ядро этих оснований составляли идеалы справедливости и нравственности, приверженность к которым нередко не только не мыслилась как гносеологическое ограничение, а, напротив, постулировалась как системообразующий способ познания для наук о человеке.

10.e Характерно в этом смысле, что позиция Н.К.Михайловского как создателя «субъективного метода» вполне разделялась на тот период молодым Н.А. Бердяевым.

10.f С точки зрения последнего, «кроме истинности, достаточной для естествоиспытателя, мнение социолога должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности, и смотря по высоте этого идеала, он более или менее приблизится к пониманию смысла явлений общественной жизни» [Бердяев, 1999, с.20].

10.g Более того, подобный способ познания должен в итоге привести к исчезновению самого противопоставления субъекта и объекта, свойственного позитивизму в общественных науках.

10.h «Мыслящий субъект только в том случае может дойти до истины, когда вполне сольется с объектом и ни на минуту не разлучится с ним, то есть войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, почувствует его чувство, перестрадает его страдание, проплачет его слезами» [там же, с. 148].

10. Traduction Schumava : Il semble qu'une telle situation a eu deux conséquences fondamentales pour les sciences sociales, en Russie. La première d'entre elles fut que certaines visions du monde « se sont alliées » dans la pensée sociale russe, et que cette formation a commencé à se soumettre non seulement à une logique de recherche scientifique unifiée mais aussi à des tâches de caractère plus général et plus social, à savoir, celle d'encourager l'opposition sociale à résister à la pression « extérieure » du pouvoir. Deuxièmement, cette situation amena, dans de telles conditions, à fonder inévitablement les principes d'un pluralisme méthodologique, et à tendre à une synthèse méthodologique dans la résolution de nouveaux problèmes (au nombre desquels les problèmes de la personne et de la société) ; à la condition expresse que les fondements axiologiques pussent rester dominants. Il est logique que les idéaux de justice et de moralité aient constitué le noyau central de ces fondements ; souvent, l'attachement à ces derniers n'était pas seulement pensé en tant que limitation gnoséologique, mais il était aussi postulé comme moyen, pour les sciences de l'homme, de systématiser la connaissance. En ce sens, il est à remarquer qu'à cette époque, la position de N.K. Mikhaïlovski, en tant que fondateur de la « méthode subjective » était pleinement partagée par le jeune N.A. Berdiaev. Selon ce dernier « outre la véracité, suffisante pour le naturaliste, l'opinion du sociologue doit refléter en elle-même son idéal de justice et de moralité, et c'est selon la hauteur de cet idéal qu'il se rapprochera plus ou moins de la compréhension du sens des phénomènes de la vie sociale ». (Berdiaev, 1999, p. 20). De surcroît, un tel moyen de connaissance devait aboutir en fin de compte à la disparition de l'opposition même du sujet et de l'objet, propre au positivisme dans les sciences sociales. C'est seulement à cette condition que le sujet qui réfléchit peut atteindre la vérité, quand il fusionnera entièrement avec l'objet, ne se séparera pas de lui une seule minute, c'est-à-dire quand il entrera dans ses intérêts, vivra sa vie, pensera sa pensée, ressentira ses sentiments, souffrira sa souffrance, pleurera par ses larmes ». (*ibid.*, p. 148)

11. *Четвертую характеристику* социо-культурного контекста понимания проблемы личности и общества составлял своеобразный общий эмоциональный настрой русской либеральной интеллигенции. Внимание общественных наук того времени к проблеме человека в значительной степени обуславливалось и всем глобальным сломом традиционного уклада русской жизни в силу нарастания буржуазных реалий. Вытекающий из этого слома ценностный кризис русского общества, окончательно разочарованного в возможностях успешных политических и экономических реформ, предчувствующего революционные и военные потрясения грядущих первых десятилетий двадцатого века, со страхом открывающего для себя наступающий «век толп», не только провоцировал доминирование определенных настроений в кругах либеральной интеллигенции (а именно - социальную депрессию и эскапизм), но и задавал для науки и искусства обращенность к анализу внутреннего мира человека. Не случайно смотревший на этот эмоциональный настрой с позиций современника Н.А.Бердяев объяснял успех русского «модернизма» свойственной ему индивидуалистической струей, обращаясь к уникальным личностным переживаниям [Бердяев, 1999]. Подобное внимание к чувственной, эмоциональной основе индивидуального бытия человека задавала для русских обществоведов известный психологизм в трактовке проблемы личности и общества.

11. Traduction Tronina : La quatrième caractéristique du contexte socioculturel de la compréhension du problème de la personne et de la société est constituée par l'état d'esprit général, à la fois spécifique et émotionnel, de l'intelligentsia libérale de la Russie. L'attention que les sciences sociales portaient, à cette époque, au problème de la personne était en grande partie conditionnée par la destruction globale du mode de vie russe traditionnel, et ceci était dû à la montée en puissance de la bourgeoisie. Comme conséquence de cette rupture, la crise de valeur de la société russe, qui avait perdu toute confiance dans la possibilité de faire des réformes politiques et économiques, qui présentait l'ébranlement avenir des guerres et révolutions qui allait marquer les premières décennies du XXe siècle, et qui voyait venir avec crainte « l'âge des foules », ne faisait pas que rendre dominante, dans les cercles de l'intelligentsia libérale une forme de dépression sociale (et d'escapisme) ; elle conduisait aussi les sciences et les arts à se tourner vers l'analyse du monde intérieur de la personne. Ce n'est pas par hasard que Berdiaev, examinant cet état d'esprit émotionnel du point de vue d'un contemporain, expliquait le succès du « modernisme » russe grâce au courant individualiste qui lui était propre et qui s'adressait à des vécus personnels uniques [Berdiaev, 1999]. Une telle attention pour le fondement sensible et émotionnel de l'être individuel de la personne conduisait à attribuer aux chercheurs russes en sciences sociales un psychologisme connu dans l'interprétation du problème de la personne et de la société.

Одним из интересных примеров подобного психологизма является трактовка Н.К.Михайловским условий возникновения толпы, массы как большой социальной группы. Не отрицая социальных причин «толпообразования», в качестве ведущих Н.К.Михайловский отмечает причины аффективного свойства: отсутствие эмоционально ярких событий, бедность перцептивного опыта человека, когда «самостоятельная жизнь индивида поедается скудостью и однообразием впечатлений» [Михайловский, 1999, с. 64]. Подобная «бедность чувств» является, по мысли исследователя, следствием прогресса в развитии производства, когда «каждая функция дробится, обособляется, выделяется» благодаря жесткой регламентации процесса труда, неминуемо вызывая к жизни функциональное отношение к человеку, обедняя и нивелируя его жизнь. И потому – «разнообразие общественной жизни может ... находиться в прямом противоречии с богатством личной жизни и даже обуславливать ее однообразие, скудость, односторонность» [там же, с. 67]³.

¹ С социально-психологической точки зрения интересно не столько выделение данного противоречия, сколько его дальнейшая интерпретация. Логично было бы предположить, что оно будет рассматриваться Н.К.Михайловским в мотивационно-потребностном ракурсе – как достаточно распространенной для рубежа XIX–XX столетий. К слову, именно так и поступит при реконструкции взглядов мыслителя В.Зеньковский в обширном труде, посвященном сравнительному анализу русской и западноевропейской общественной мысли [Зеньковский, 1997]. Михайловский же понимает под «скудостью» индивидуальной жизни не только и не столько трансформации мотивационной сферы, а – прежде всего – определенную динамику чувств, переживаний, «бедность и однообразие личных впечатлений» [Михайловский, 1998, с. 85].

12. Traduction Tronina : L'un des exemples intéressants d'un tel psychologisme est l'interprétation que fait N.K. Mikhaïlovski des conditions nécessaires à l'apparition de la foule, de la masse en tant que grand groupe social. Sans nier les causes sociales de la « formation de la foule », Mikhaïlovski considère comme principales les causes de nature affective : l'absence d'événements forts au plan émotionnel, la pauvreté de l'expérience perceptive de l'homme lorsque « la vie autonome de l'individu est dévorée par l'indigence et la l'uniformité des impressions » [Mihajlovskij (Mikhaïlovski), 1999, p.64]. D'après lui, « une telle pauvreté des sentiments » résulte du progrès dans le développement de la production, lorsque « chaque fonction se trouve morcelée, isolée, séparée » du fait de la stricte réglementation du processus du travail, faisant naître un rapport fonctionnel à l'homme, appauvrissant et nivelant sa vie. Et c'est pourquoi, « la diversité de la vie sociale peut ... se trouver en contradiction directe avec la richesse de la vie personnelle, et même déterminer son uniformité, son indigence, son unilatéralité » [*ibid*, p.67].

Du point de vue socio-psychologique, l'intérêt n'est pas tant la mise en lumière de la contradiction donnée que son interprétation future. Il serait logique de supposer que N.K. Mikhaïlovski l'eût examinée en la ramenant à une motivation de l'ordre du besoin – attitude assez répandue au tournant du XIXe et du XXe siècle. D'ailleurs, c'est ce que fit V. Zenkovski, lorsque, dans son grand rapport consacré à l'analyse comparative de la pensée sociale en Russie et en Europe de l'Ouest [Zen'kovskij (Zenkovski), 1997], il reprit les opinions de Mikhaïlovski. En fait, par « indigence » de la vie individuelle, Mikhailovski ne comprend pas seulement les transformations de la sphère des motivations ; il entend surtout et avant tout, par là, une dynamique bien définie des sentiments, des émotions, « la pauvreté et la l'uniformité des impressions personnelles » [Mihajlovskij, 1998, p. 85].

13. Похожий психологизм можно отметить и в работах правоведа Л.И.Петражицкого. С его точки зрения, содержание любого социального явления (социального прогресса, власти, права и т.д.) состоит не в объективном отношении тех или иных социальных субъектов, - «оно существует реально лишь в психике того, кто переживает его в данную минуту». Тем самым особое значение придается роли эмоций как автономному, нормативному, доминирующему фактору социального поведения. «Эмоции, — считал Л. И. Петражицкий, — являются генетической основой нашей психики. Воля, чувства, интеллект — это продукты эволюции эмоций. Благодаря взаимодействию индивидов образуется новый эффект — групповая, „народная психика“ с её нормами, которые и определяют индивидуальную мотивацию» [Петражицкий, 2010, с.192].

13. Traduction Fominykh : On peut trouver le même psychologisme dans les travaux du juriste L.I. Petrajitski. De son point de vue, le contenu de n'importe quel phénomène social (le progrès social, le pouvoir, le droit etc.) n'est pas constitué par la relation objective entre les sujets sociaux : « il n'existe de façon réelle que dans le psychisme de celui qui l'éprouve à un moment donné ». De la même façon, une signification particulière est accordée au rôle des émotions en tant que facteur autonome, normatif et dominant du comportement social. Selon L.I. Petrajitski, « Les émotions sont la base génétique de notre psychisme. La volonté, les sentiments, l'intelligence sont les produits de l'évolution des émotions. L'interaction des individus produit un nouvel effet : un « psychisme national » de groupe, avec des normes propres, déterminant les motivations individuelles » [Petražitskij (Petrajitski), 2010, p. 192].

14. Интересно, что это внимание к чувственной стороне жизни индивида, его «приватным» переживаниям сосуществовало (несмотря на очевидные противоречия) с другой тенденцией. А именно - с повсеместно распространенным в русском обществе того времени интересом к поиску самых различных оснований человеческой солидарности, что можно отметить в качестве *пятой характерной особенности* социо-культурного фона эпохи. Резкое увеличение на рубеже веков количества массовых акций протеста и прежде всего молодежных⁴, включение в них различных социальных сил самого разного политического спектра наглядно демонстрировали пропасть между идеалами социального прогресса и реальностями российской жизни. Все острее вставал для общественного сознания вопрос о возможностях и основаниях человеческих общностей, о степени индивидуальной свободы в рамках социального поля. И не случаен в это время огромный интерес в России, причем преимущественно у молодежи, к общественным наукам -

14. Traduction Fominykh : Il est intéressant que cette attention à l'aspect sensible de la vie de l'individu, à ses émotions « propres » coexistait (malgré des contradictions évidentes) avec une autre tendance. Ceci est vrai, notamment en ce qui concerne l'intérêt (très répandu dans la société russe de cette époque) pour la recherche des raisons les plus diverses de la solidarité humaine, que l'on peut retenir en qualité de *cinquième trait caractéristique* du fond socioculturel de l'époque. Au tournant de deux siècles, une forte augmentation de la quantité des protestations de masse et, avant tout, celles des jeunes, incluant des forces sociales très diverses, en provenance d'un large spectre politique, démontra, de façon spectaculaire, l'existence du l'abîme existant entre les idéaux de progrès social et les réalités de la vie russe. De façon de plus en plus aiguë, la conscience publique se trouvait affrontée à la question des possibilités et des fondements des communautés humaines, du degré de liberté individuelle dans le cadre du champ social. Et ce n'est pas un hasard qu'à cette époque, en Russie,

⁴ Так, например, только за период с 1899 по 1902 год прошло три всероссийских студенческих забастовки, охвативших более 30 вузов и собравших каждая от 25 до 40 тысяч участников, что в публицистике того времени оставило след как «университетский вопрос»; характерно основное требование этих выступлений – физическая неприкосновенность личности [по: Гутнов, 2004].

последние мыслились как источник ответов на острые социальные вопросы, выступая, прежде всего, в своей прогностической и действенной функции. Так, в одном из первых эмпирических социологических исследований русского юношества, проведенном в 1902 году на массовой выборке – учащихся старших классов гимназий пяти крупных городов России, отмечалось, что в этой среде склонность к социальным наукам (лидирующую триаду составили политэкономия, философия и социология) существенно, в 2,5 раза, превалирует над склонностями к наукам естественного и физико-математического цикла. Детализация вопросов анкеты позволила исследователям выяснить основания подобного потенциального профессионального выбора. Характерно, что в подавляющем большинстве случаев он определялся интересом к «предельным вопросам» социального бытия человека: «как должно развиваться общество, чтобы не нарушать прав каждого», «в каких отношениях должны быть люди, чтобы соблюдалась справедливость», «каковы человеческие основания прогресса» и т.п. [по: Гутнов, 2004]. Собственно, именно столь выраженное общественное внимание и интерес к социальным наукам, рост их авторитета по сравнению с другими областями научного знания вызвал к жизни своеобразную социальную практику – проведение гуманитарных эмпирических исследований не в рамках академических структур, а самыми разными общественными силами. Так, например, резкий взлет русской эмпирической социологии (уже на период 1901-1905 г.г. более четверти всех публикаций социологического характера содержали в себе конкретные эмпирические данные) во многом произошел за счет того, что в России, в отличие от Западной Европы, наряду с государственной имелась большая земская статистика, обобщением результатов которой занимались и публицистические журналы, и самодеятельные научные кружки, и частные лица из народнической интеллигенции. Интересно, что сами программы исследований и формы сбора социологических данных появлялись тогда не столько в результате научных дискуссий, сколько были итогом общественного обсуждения. Они разрабатывались самыми разными общественными организациями (например, "Вольным императорским экономическим обществом", "Географическим обществом", "Обществом народного здоровья" и др.), их авторами могли выступать частные лица (учителя, врачи, литераторы), желающие привлечь внимание общественности и, в том числе, земских статистиков к изучению различных аспектов жизни народа и общества. Такие программы публиковались в общественно-политических журналах, в трудах и

преимущественно chez les jeunes, se manifesta un grand intérêt pour les sciences sociales, ces dernières étant envisagées comme la source des réponses à des problèmes sociaux aigus, se produisant, avant tout, sous leur aspect de pronostic. Ainsi, dans une des premières études empiriques en sociologie, consacrée à la jeunesse russe, réalisée en 1902, sur un échantillon de masse – des élèves des classes supérieures des lycées des cinq grandes villes de la Russie –, il a été enregistré que, dans ce milieu, l'intérêt pour les sciences sociales (les trois disciplines arrivant en tête étant l'économie politique, la philosophie et la sociologie) était 2,5 fois plus importants que pour les sciences naturelles et physico-mathématiques. La spécification des questions de l'enquête a permis aux chercheurs de comprendre les raisons du choix potentiel des professions. Il est caractéristique que dans la majorité des cas il était défini par l'intérêt pour «les questions limites» se rapportant à l'être social de l'individu : « comment la société doit-elle se développer pour ne pas attenter aux droits de chacun », « quel doit être le type de relations entre les gens pour que la justice soit préservée », « quels sont les fondements humains du progrès » etc. [selon Gutnov, 2004]. Une telle attention et un tel intérêt de la société civile pour les sciences sociales, la croissance de leur autorité en comparaison avec d'autres domaines du savoir, ont donné vie à une pratique sociale originale : l'organisation des recherches empiriques en sciences humaines non pas dans le cadre des structures académiques, mais grâce à des forces propres à la société elle-même. Ainsi, par exemple, en Russie, un grand bond en avant de la sociologie empirique (dans les années 1901-1905 plus d'un quart de toutes les publications à caractère sociologique comprenaient des données concrètes et empiriques) – s'est réalisé, en grande partie, grâce au fait que, en Russie, à la différence de l'Europe Occidentale, à côté de l'État, il y avait un grand développement de la statistique au niveau des zemstvos, et ce sont des revues à grands tirages et des ateliers scientifiques d'amateurs, ainsi que des particuliers appartenant à l'intelligentsia populiste qui s'occupaient de la généralisation des résultats. Il est intéressant que les programmes de recherches et les formes de collecte des données sociologiques n'étaient pas tant le résultat de discussions scientifiques que le bilan de débats publics. Ils étaient élaborés par les organisations les plus diverses (par exemple « la société libre impériale d'économie », « la société de géographie », « la société de santé publique » etc.); leurs auteurs pouvaient être des particuliers (des professeurs, des médecins, des écrivains), souhaitant attirer l'attention de la société, y compris

<p>документах соответствующих обществ с призывом ко всем желающим участвовать в сборе сведений.</p>	<p>des statisticiens de zemstvo, pour l'étude des divers aspects de la vie du peuple et de la société. De tels programmes étaient publiés dans les revues politiques et sociales, dans les travaux et les documents des sociétés correspondantes avec appel à tous les bénévoles pour participer à la collecte de renseignements.</p>
---	---

<p>15. В этих социо-культурных реалиях складывался, в значительной мере определявшийся и пересекавшийся с ними, собственно интеллектуальный контекст решения проблемы личности и общества в русской общественной мысли и в русской социологии, к описанию которого мы теперь и перейдем <i>Интеллектуальный контекст проблематики личности и общества в русской общественной мысли рубежа 19-го и 20-го веков.</i></p>	<p>15. Traduction Fominykh : C'est en se définissant et en interférant avec ces réalités socioculturelles que se constitua, de façon significative, le contexte proprement intellectuel de la résolution du problème de la personne et de la société dans la pensée sociale russe et dans la sociologie russe ; contexte que nous nous apprêtons à décrire maintenant : <i>Le contexte intellectuel de la problématique de la personne et de la société dans la pensée sociale russe à la charnière du XIXe et du XXe siècle.</i></p>
---	--

Интеллектуальный контекст проблематики личности и общества в русской общественной мысли рубежа 19-го и 20-го веков

<p>16. Очевидно, что любая социо-культурная ситуация влияет на развитие общественных наук и, в частности, социологии, не непосредственно, а опосредованно – через умонастроения представителей определенной профессиональной среды. «Корпус исследователей, система социологического образования и иные институты, однажды возникнув, образуют самостоятельную профессиональную среду – поле социологии, которое реагирует на импульсы, исходящие от общества сообразно собственным интересам и ценностям профессионального характера» [Здравомыслов, 2007, с.116], пусть и при значительной роли культурного этоса. Итак, каковы были особенности интеллектуального контекста развития предметного поля русской социологии в это время, и как они преломлялись в решении проблемы личности и общества?</p>	<p>16. Traduction Fominykh : Il est évident que n'importe qu'elle situation socioculturelle influence le développement des sciences humaines et, en particulier, de la sociologie, non pas directement, mais indirectement, par le biais de la mentalité des représentants d'un milieu professionnel défini. « Le corps des chercheurs, le système de formation sociologique et, à certains moments, l'apparition d'autres instituts ont formé une sphère professionnelle indépendante : le champ de la sociologie, en tant qu'il réagit aux impulsions venant de la société, conformément aux intérêts propres et aux valeurs à caractère professionnel » (Zdravomyslov, 2007, p. 116), et ceci, même en tenant compte du rôle significatif de l'ethos culturel. Ainsi, quelles étaient à cette époque les particularités du contexte intellectuel du développement du champ objectif de la sociologie russe, et comment se reflétaient-elles dans la résolution du problème de la personne et de la société.</p>
--	---

17. Прежде всего, подчеркнем, что на рубеже веков, как и в более ранний период, во всем спектре общественных наук доминировали определенные принципы научного познания, а именно – в качестве основного критерия истинности последнего признавался возможный эффект социального действия, вытекающего из того или иного познавательного акта. Тем самым онтологическая проблематика продолжала неразрывно включаться в гносеологическую.

Унаследованные от основателей «субъективного метода», П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского, идеи этической предвзятости исследователя-обществоведа (исходно базировавшиеся на разведении «правды-истины» и «правды-справедливости»), для которого поиск истины неотделим от собственных ценностей и идеалов, были продолжены русской социологией на рубеже веков. Социология «не может быть индифферентной в делах общественных», - прежде всего потому, что «в любом социологическом исследовании присутствует общественный идеал ученого» [Кареев, 2010, с.24].

Подобная методологическая установка предполагала и доминирование определенного видения человека – он закономерно мыслился не только и не столько как объект познания, сколько как его активный субъект. Для русской социологии рубежа веков это в значительной степени обусловило выдвижение проблемы личности в центр исследовательского интереса многих ее представителей: «в центре внимания социологии должен стоять человек» [Кареев, там же].

17. Traduction Fominykh, Shumava, Valat : Soulignons tout d'abord qu'au tournant des deux siècles comme à une époque plus ancienne, certains principes de la connaissance scientifique dominaient dans toute la sphère des sciences humaines, et plus précisément, l'effet potentiel de l'acte social, découlant de tel ou tel acte cognitif, était reconnu comme critère fondamental de la véracité de ces sciences. Ainsi, la problématique ontologique continuait à être partie intégrante de la gnoseologie.

Héritées des fondateurs de la « méthode subjective », P.L. Lavrov et N.K. Mikhaïlovski , les idées relatives au préjugé éthique que pouvait avoir le chercheur en sciences sociales (idées initialement fondées sur le développement de la distinction de la « vérité-scientifique» et de la « vérité-justice») pour qui la recherche de la vérité était inséparable de ses valeurs et de ses idéaux personnels, ont été reprises par la sociologie russe à la charnière des deux siècles. La sociologie « ne peut pas être indifférente aux affaires publiques », car avant tout « dans toute recherche sociologique, il y a un idéal social du chercheur » [Kareev, 2010, p. 24]

Une telle orientation méthodologique supposait aussi la prépondérance d'une vision déterminée de l'homme ; celui-ci se laissait penser non seulement et non pas tant comme objet de connaissance mais aussi et surtout comme sujet actif. Pour la sociologie russe du tournant des deux siècles, cela a considérablement contribué à placer la question de la personne au centre de l'intérêt scientifique de beaucoup de chercheurs : « l'homme doit rester le centre de l'attention de la sociologie ». [Kareev *ibid*].

18. В этом смысле лидирующая позиция в решении проблемы личности и общества для русской социологии того времени продолжала принадлежать субъективной школе⁵. При условии неизбежных концептуальных модификаций за время своего существования (от 60-х г.г. девятнадцатого века до 20-х г.г. двадцатого столетия), будучи представлена самым большим рядом персоналий и публикаций, этико-социологическая школа с ее доминантой «субъективного метода» постоянно выполняла роль своеобразного умственного катализатора [Голосенко, Козловский, 1995] для всей русской интеллигенции.

Подчеркнем, что ее позиция во многом формировалась как результат научного диалога с западноевропейской (прежде всего – французской) позитивистской традицией, но при крайне критичном восприятии и существенном переосмыслении принципов западноевропейского социологического позитивизма. В значительной степени активизация этого диалога была реакцией на выход в свет (начиная с 1890 года) большого количества русских переводов работ западноевропейских авторов, осуществленных Издательским домом Ф. Павленкова в Санкт-Петербурге. Среди них – «Гениальность и помешательство» Ч. Ломброзо, «Умственные эпидемии» Р. Реньяра, «Преступная толпа» С. Сигеле, «Законы подражания» Г. Тарда, «Психология народов и масс» Г. Лебона, «Самоубийство. Социологический этюд» Э.Дюркгейма.

18. Traduction Poliakova, Konkka : En ce sens, c'est l'école subjective qui continuait à occuper une position de leader pour ce qui était de la résolution du problème relatif à la personne et à la société⁶. Alors que tout au long de son existence (des années 1860 aux années 1920) elle fut soumise à d'inévitables modifications conceptuelles, et qu'elle fut représentée par quantité de personnalités et de publications, l'école d'éthique et de sociologie, avec la place prédominante qu'elle accordait à la « méthode subjective », joua de façon permanente un rôle particulier de catalyseur intellectuel pour toute l'intelligentsia russe [Golosenko..., 1999].

Notons que dans l'ensemble sa position s'est élaborée dans le dialogue scientifique qu'elle a entretenu avec la tradition positiviste d'Europe occidentale (principalement française), et tout en critiquant fortement et réinterprétant fondamentalement les principes du positivisme sociologique européen. Ce dialogue a été relancé à la suite de la parution aux éditions F. Pavlenkov de Saint-Petersbourg (à partir de 1890) d'un grand nombre de traductions russes d'ouvrages d'auteurs occidentaux. Parmi eux, on peut citer : « L'Homme de génie » par C. Lombroso, « Les maladies épidémiques de l'esprit » par P. Regnard, « La Foule criminelle » par S. Sighele, « Les Lois de l'imitation » par G. Tarde, « La Psychologie des foules » par G. Le Bon, « Le Suicide » par E. Durkheim

⁵ Следует, однако, помнить, что для русской общественной мысли того периода (впрочем, как и для более ранних этапов ее развития) трудно провести четкие методологические и/или дисциплинарные границы, - и причина тому не только в сложностях их становления, но и в изначальной приверженности принципам междисциплинарного анализа. То же касается и социологии – несмотря на активно идущий процесс ее институционализации, в России на тот момент фактически не существовало научных социологических школ в строгом значении этого слова. [См. об этом подробнее: Голосенко, Козловский, 1995].

19. Вопросы отечественного «прочтения», осмысления и модификаций западноевропейского позитивизма в отечественных гуманитарных науках – суть сюжет, не раз освещавшийся в историко-социологической литературе и на сегодняшний день имеющий обширную библиографию. Нас же интересует здесь лишь момент влияния французской социологической школы и только в контексте понимания проблематики личности и общества.

19. Traduction Fominykh : Les questions de la « lecture » nationale, de la compréhension et des modifications du positivisme occidental dans les sciences humaines en Russie représentent un sujet qui a souvent été traité dans la littérature historico- sociologique et qui possède à ce jour une large bibliographie. Ce qui nous intéresse ici, c'est exclusivement le moment de l'influence de l'école française de sociologie, et uniquement dans le contexte de la compréhension de la problématique de la personne et de la société.

20. Собственно начала этого процесса можно проследить еще при сравнении таких концепций как теория «героев и толпы» Н.К.Михайловского и «психология масс» Г.Лебона. Будучи обе обращены к анализу одной и той же феноменологии – явлениям деперсонализации человека в условиях большой неорганизованной группы – данные концепции весьма различны по своему содержанию. В отличие от Г.Лебона, следовавшего позиции Г.Тарда и потому видевшего в основе различий поведения «человека толпы» от вождя или лидера наличие склонности к подражанию, Н.К. Михайловский неоднократно подчеркивает, что в центре его исследовательского интереса стоят не индивидуальные особенности, а *отношения* героя и толпы. Толпа и герой, тем самым, не являются оценочными категориями, что видно из определений, даваемых Н.К.Михайловским: «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным. Не в похвалу, значит, и не в поругание выбраны термины...» [Михайловский, 1989, с. 6]. Более того, с точки зрения Михайловского, возникновение толпы неотделимо от появления героев - «герои не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам... их создает та же среда, что выдвигает и толпу», а потому героем может стать кто угодно: «злодей, глупец, ничтожество, всемирный гений или ангел во плоти» [там же]. Тем самым эта «связка» –

20. Traduction Boukaïdi : En somme, on peut déjà commencer à repérer ce processus en comparant des conceptions telles que celle des héros et « la foule » de N.K Mikhaïlovski et celle de « la psychologie des masses » de G. Lebon. Étant toutes les deux tournées vers l'analyse de la même phénoménologie (les phénomènes de dépersonnalisation de l'individu dans les conditions d'un groupe important et désorganisé) ces conceptions sont cependant très différentes par leur contenu. Contrairement à G. Lebon, qui se rallie à la position de G. Tarde et, de ce fait, voit dans le fondement des différences de comportement entre « l'homme de la foule » et le guide ou le leader, la présence d'une tendance à l'imitation, N.K. Mikhaïlovski met l'accent, à plusieurs reprises, sur le fait qu'au centre de ses intérêts de recherche se trouvent non pas des caractéristiques individuelles mais les relations du héros et de la foule. De ce fait, comme cela ressort des définitions données par N.K. Mikhaïlovski, la foule et le héros ne s'avèrent pas être des catégories évaluatives : « On appellera *héros* la personne qui en donnant l'exemple entraînera la masse vers une action qui sera bonne ou mauvaise, des plus nobles ou des plus lâches, raisonnable ou absurde. On appellera *foule* la masse capable d'être captivée par l'exemple, disons encore une fois, très noble ou vil, ou moralement indifférent. Cela veut dire que ces termes sont choisis ni pour faire des éloges ni pour humilier. » [Mikhaïlovski, 1989, p. 6]. De plus, du point de vue de Mikhaïlovski, la formation de la foule est indissociable de l'apparition du héros : « les héros ne tombent pas du ciel sur la terre mais s'élèvent de la terre vers les cieux...ils sont créés par le même environnement

герои и толпа – неразрывна в силу наличия неких общих механизмов своего возникновения. Как следствие, Михайловский не выделяет разные виды толпы (или массы) – в отличие от Тарда, проводившего различие между бессознательной толпой, движимой силой стихийных и разрушительных настроений, и сознательной публикой, формирующей общественное мнение [Тард, 1902, с. 8–9] или Лебона, выделяющего неорганизованные и организованные толпы [Лебон, 1898]. Заметим здесь же еще одно характерное отличие: для Михайловского антитезой толпе является народ, а не публика, как для Тарда. Именно поэтому он столь категоричен и не всегда точен в оценке «Законов подражания» (1892): «Тард непреклонен, как математически прямая линия, считая, что коллективная мысль или деятельность всегда ниже мысли или деятельности индивидуальной» [Михайловский, 1989, с. 194]. Иными словами, основной предмет исследования для Михайловского составляет не выявление тех или иных выдающихся индивидуальных особенностей, позволяющих человеку стать «героем», а также не описание различных типов «толп» и их действий; *основная задача состоит в выяснении условий возникновения отношений героя и толпы как ответственных за процессы подавления сознания и воли индивидуальности.*

qui met en place la foule », et ce, parce que n'importe qui peut devenir un héros : « un malfaiteur, un idiot, un vaurien, un génie universel ou un ange incarné » [Mikhaïlovski, 1989, p. 6]. Par cela même, cet « ensemble » (le héros et la foule) est indissociable de certains mécanismes communs, présents lors de sa formation. Par conséquent, contrairement à Tarde qui fait une distinction entre la foule inconsciente, propulsée par la force instinctive d'humeurs destructrices et un public conscient qui forme une opinion commune [Tarde, 1902, p. 8-9] ou bien Lebon qui distingue les foules désorganisées et organisées [Lebon, 1898], Mikhaïlovski ne distingue pas différentes espèces de foule. Notons encore ici une distinction caractéristique : pour Mikhaïlovski l'antithèse de la foule est le peuple, et non pas le public comme pour Tarde. C'est justement pour cette raison qu'il est tellement catégorique et pas toujours précis dans son estimation des « Lois d'imitation » (1892) : « Tarde est inflexible, comme une ligne droite en mathématiques, estimant que la pensée ou bien l'activité collective est toujours en dessous de la pensée ou de l'activité individuelle » [Mikhaïlovski, 1989, p. 194]. En d'autres termes, le principal objet de recherche pour Mikhaïlovski est non pas la mise en évidence de particularités individuelles exceptionnelles, permettant à l'homme de devenir un « héros », de même qu'elle n'est pas la description de différents types de « foules » et leurs actions ; le principal objectif consiste en la détermination des conditions de l'apparition de la relation du héros et de la foule, conditions étant elles-mêmes responsables des processus d'écrasement de la conscience et de la volonté individuelles.

21. Дальнейшие, ближе к рубежу веков, проявления взаимовлияний французской и русской социологических школ были тесно связаны с процессом институционализации социологии в России. Так, с середины 90-х г.г. 19-го века русские мыслители (П.Ф. Лилиенфельд, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин) входят в руководство Международного института социологии, базирующегося во Франции, и выступают как активные члены «Общества социологии» в Париже (позднее к ним присоединятся Е.В. Де Роберти и Я.А. Новиков). В 1900 году начнется работа русской секции Международной школы при Всемирной промышленной выставке в Париже, одним из директоров которой станет М.М. Ковалевский, чей авторитет на тот момент во французском социологическом сообществе будет уже бесспорен. Результаты работы русской секции приведет к тому, что в 1900-1901 годах, уже после закрытия Всемирной выставки, в зале Французской высшей социологической школы работа русской группы будет продолжена, а чтение в ее рамках публичных лекций И.И. Мечниковым, М.М. Ковалевским, Е.В.Де Роберти, Ю.С. Гамбаровым неизменно будет пользоваться успехом⁷. Итогом станет открытие в Париже 14 ноября⁸ 1901 года Русской высшей школы общественных наук – первого независимого отечественного высшего учебного заведения, принимавшего слушателей без каких-либо ограничений по полу, возрасту, национальности, вероисповеданию, исходному образованию и за минимальную плату (а в ряде случаев – бесплатно). Школа была ориентирована на преподавание всего спектра гуманитарных наук, включая предметы эстетического цикла (литературу, живопись, историю музыки), но центральной дисциплиной стала все-таки социология. Недолго, всего пять учебных лет просуществовало это уникальное учебное заведение: в конце 1905 года, под давлением правительства Николая Второго, угрожавшего создателям школы лишением гражданства и арестом имущества⁹, а также в результате ряда провокаций со

21. Traduction Kostrubiec et Kokhanevych : Ajoutons que, plus près du XXe siècle, les influences réciproques des écoles française et russe de sociologie ont été, dans leurs manifestations, étroitement liées au processus d'institutionnalisation de la sociologie en Russie. Ainsi, au milieu des années 1890, des penseurs russes ((P.F. Lilienfeld, M.M. Kovalevski, P.A. Sorokine) participèrent à la direction de l'Institut International de sociologie, basé en France, et intervinrent, en tant que membres actifs, dans la « Société de Sociologie » de Paris (plus tard se joignirent à eux E.V. de Robertis et Ja.A. Novikov). La section russe de l'Ecole Internationale allait commencer à fonctionner en 1900, lors de l'Exposition industrielle Universelle de Paris, dont l'un des directeurs devait être M.M. Kovalevski qui jouissait alors d'une autorité incontestable au sein de la Société française de sociologie. Les résultats obtenus par la section russe furent tels qu'en 1900-1901, après la clôture de l'Exposition Universelle, le travail du groupe russe allait se poursuivre dans la salle de l'Ecole supérieure de sociologie, et les cours publics, assurés dans le cadre de l'Ecole par I.I. Metchnikov, M.M. Kovelevski, E.V.de Robertis et I.S. Gambarov, devaient jouir sans cesse d'un grand succès¹. Le résultat fut l'ouverture, à Paris, de l'Ecole supérieure russe des sciences humaines, le 14 novembre² 1901, premier établissement national et indépendant de l'enseignement supérieur, qui acceptait les étudiants sans discrimination de sexe, d'âge, de nationalité, de croyance, de pré-requis, pour un prix modique, voire gratuitement selon les cas. L'enseignement de l'École couvrait tous les domaines des sciences humaines, y compris les matières artistiques (littérature, peinture, histoire de la musique) mais la discipline principale restait la sociologie. Cette institution unique devait survivre peu de temps, à peine cinq années : à la fin de l'année 1905, sous la pression du gouvernement de l'empereur Nicolas II, qui menaçait les fondateurs de l'Ecole de leur retirer la nationalité et de saisir les biens³ de l'Ecole, mais aussi face aux

⁷ Следует заметить, что у этих лекторов была потенциально довольно обширная аудитория: на первые годы 20 века только в Париже русская диаспора насчитывала около 30 тысяч человек, большую часть которых составляла молодежь.

⁸ Сегодня этот день празднуется в России как День социолога.

⁹ Материальную базу Русской школы в незначительной степени составляли частные пожертвования и – в большей степени – личные средства постоянных преподавателей, в первую очередь М.М.Ковалевского.

стороны наиболее радикального студенчества, руководством школы будет принято решение о ее закрытии, и вскоре большая часть русских социологов-эмигрантов вернется в Россию, где уже разгорится первая русская революция¹. Но за этот период в общей сложности более двух тысяч слушателей посетят лекции не только профессоров – своих соотечественников (М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, Е.В. Де Роберти, К.М. Тахтарева и др.), но и ведущих представителей французской социологии (среди постоянных преподавателей Русской школы будут Г. Тард, Э. Дюркгейм, Р. Вормс). Заметим здесь же, что организационно-методическое наследие Русской высшей школы общественных наук не раз востребовалось в ходе дальнейшей институционализации социологического знания в России. Так, вернувшись из эмиграции в конце 1905 года, М.М.Ковалевский и П.Ф.Лесгафт создают в Петербурге Высшую вольную школу, в которой впервые в России будет введено преподавание социологии как обязательного предмета (до ее закрытия решением правительства в 1907 году). В 1910-1911 г.г. работа социологического семинара под руководством Е.В.Де Роберти при Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге во многом будет опираться на учебные программы Школы. Первая русская кафедра социологии, созданная здесь же в 1911 году, будет практически полностью состоять из бывших преподавателей Русской школы в Париже (М.М.Ковалевский, Е.В.Де Роберти, Н.И.Кареев, П.А.Сорокин, К.М. Тахтарев). Они же, после смерти М.М.Ковалевского в 1916 году, выступят инициаторами создания «Русского социологического общества имени М.М.Ковалевского». Под руководством самых молодых из них – П.А.Сорокина и К.М. Тахтарева – уже в более позднее время (1918-1920 г.г.) будет создан первый исследовательский Социологический институт и первый социологический факультет в Петрограде. Правда, этот период активного строительства отечественной социологии окажется крайне недолгим – уже в 1922 году указами Совнаркома в стране будут ликвидированы все исследовательские социологические институты и запрещена социология в целом как предмет преподавания в любых учебных заведениях.

provocations des étudiants les plus radicaux, la direction de l'Ecole prit la décision de fermer. Peu de temps après, la plus grande partie des sociologues russes émigrés reviendraient en Russie, alors que déjà devait éclater la première révolution russe. Mais, malgré cela, pendant cette période, plus de deux mille étudiants suivirent les cours, non seulement ceux des professeurs russes (M.M. Kovalevski, N.I. Kareev, E.V. de Robertis, K.M. Takhtarev etc.), mais aussi ceux des grands représentants de la sociologie française (parmi lesquels G. Tarde, E. Durkheim, R. Worms, enseignants permanents de l'Ecole russe). Il est bon de noter ici que l'organisation et les méthodes de l'Ecole supérieure russe des sciences sociales ont souvent favorisé l'institutionnalisation de la sociologie en Russie. C'est ainsi qu'à la fin de 1905, M.M. Kovalevski et P. Lesgoft créèrent à Saint-Petersbourg, dès leur retour d'exil, une école supérieure libre, dans laquelle devait être introduite pour la première fois, en Russie, l'enseignement de la sociologie comme discipline obligatoire (avant sa fermeture par décision du gouvernement en 1907). En 1910-1911, le travail conduit au sein de l'Institut de neuropsychologie de Saint-Petersbourg, dans le cadre du séminaire de sociologie (que dirigeait E.V.de Robertis), devait s'appuyer fortement sur les programmes d'enseignement de l'Ecole. C'est là que fut créée, en 1911, la première chaire russe de sociologie, composée presque uniquement d'anciens professeurs de l'Ecole russe de Paris (M.M. Kovalevski, E.V. de Robertis, N.I. Kareev, P.A. Sorokine, K.M. Takhtarev). Après la mort de M.M. Kovalevski, en 1916, ces derniers devaient prendre l'initiative de créer la « Société russe de Sociologie du nom de M.M. Kovalevski ». Plus tard déjà, sous la direction des plus jeunes d'entre eux (P.A. Sorokine, K.M. Takhtarev), seraient créés le premier Institut de recherches en sociologie et la première Faculté de sociologie de Petrograd. Il est vrai que cette période d'élaboration de la sociologie nationale serait très brève : dès 1922, les décrets de Sovnarkom supprimeraient, sur l'ensemble du pays, tous les instituts de recherche en sociologie, et l'enseignement de la sociologie serait interdit dans tout établissement.

¹ Следует заметить, что у этих лекторов была потенциально довольно обширная аудитория: на первые годы 20 века только в Париже русская диаспора насчитывала около 30 тысяч человек, большую часть которых составляла молодежь.

¹ Сегодня этот день празднуется в России как День социолога.

¹ Материальную базу Русской школы в незначительной степени составляли частные пожертвования и – в большей степени – личные средства постоянных преподавателей, в первую очередь М.М.Ковалевского.

1. Notons que ces intervenants avaient potentiellement un auditoire important : au début du XXe siècle, la seule diaspora russe à Paris comptait quelques trente mille personnes, dont la majeure partie était des jeunes.

2. Actuellement, ce jour est fêté en Russie comme le Jour de la Sociologie.

3. Le financement de l'Ecole russe venait, pour une faible part, de quelques dons privés et majoritairement des fonds personnels des professeurs permanents, dont ceux de M.M. Kovalevski en priorité.

22. Возвращаясь к исходно поставленному в статье вопросу, перейдем теперь к анализу *специфики понимания проблемы личности и общества русской социологией того времени и основным линиям полемики в ее понимании с французской социологической школой.*

23.а) В целом, она сводилась к следующим трем основным, внутренне связанным между собой, направлениям.

б) Во-первых, - к переосмыслению исходных принципов позитивизма французской социологии в понимании социальной эволюции (для русской общественно-научной традиции – социального прогресса);

во-вторых – к специфическому пониманию личности;

в-третьих – к расширенной (если брать за «точку отсчета» методологию позитивизма) трактовке методов познания в социальных науках.

24.а) В том, что касается *первого направления полемики*, то в наиболее лаконичной форме основной «вектор несогласия» с основоположником французской социологии – Огюстом Контом – был сформулирован Е.В. Де Роберти.

б) По его мнению, «социология О.Конта, позволяя восстановить главнейшие формы прошлого, производит впечатление систематического небрежения эволюцией личной нравственности» [Де Роберти, 1909, с.196].

с) Законы социальной динамики О.Конта, утверждающие принцип последовательной рационализации социальной жизни, фиксирующие постепенный переход человечества от религиозных верований к научному пониманию мира, удовлетворяют русских мыслителей лишь отчасти – прежде всего потому, что в них никак не отражена человеческая, личностная составляющая социальной эволюции.

д) Для отечественной же социологии поиск объективных закономерностей развития различных форм социальности традиционно не мог быть помыслен в отрыве от поисков субъективного смысла и значения их для человека.

25.а) Аналогично Н.И.Кареев, отмечая заслугу Конта в установлении единства законов мировой истории, в утверждении общих закономерностей социального развития, тут же, практически одновременно, подчеркивает, что идею прогресса принципиально нельзя «математически вычислить и обосновать», ибо смысл прогресса состоит, прежде всего, в «освобождении личности», в усилении человеческой

22. Traduction Kostrubiec :Revenant à la question initiale posée dans l'article, passons maintenant à l'analyse *de la compréhension spécifique du problème de la personne et de la société dans la sociologie russe de cette période, et envisageons les lignes principales de la polémique avec l'école sociologique française, en ce qui concerne cette compréhension*

Globalement, cette polémique se ramenait à trois orientations fondamentales, intimement reliées entre elles. Premièrement, il s'agissait de repenser les principes de départ du positivisme de la sociologie française dans la compréhension de l'évolution sociale (pour la tradition socio-scientifique russe du progrès social); deuxièmement, il s'agissait de comprendre la personne de façon spécifique; troisièmement, et si l'on prend comme « point de référence » la méthodologie du positivisme), il s'agissait de traiter de manière élargie les méthodes de la connaissance dans les sciences sociales.

En ce qui concerne la *première orientation de la polémique*, c'est dans la forme la plus laconique que fut formulé par de Robertis le principal « vecteur de désaccord », avec le fondateur de la sociologie française, Auguste Comte.

D'après lui, « la sociologie de A. Comte, qui permet de rétablir les formes principales du passé, donne l'impression que l'évolution de la moralité personnelle est systématiquement négligée [de Robertis, 1909, p.196]. Les lois de la dynamique sociale d'A. Comte, affirmant le principe d'une rationalisation conséquente de la vie sociale, fixant le passage progressif de l'humanité des croyances religieuses vers une compréhension scientifique du monde, ne satisfont que partiellement les penseurs russes, – avant tout parce que la composante humaine et personnelle de l'évolution sociale ne se reflète aucunement dans ces lois. Pour la sociologie nationale, la recherche des normes objectives du développement des différentes formes de socialité ne pouvait pas être traditionnellement pensée indépendamment des recherches du sens subjectif et de leur signification pour l'homme.

De façon analogue, tout en notant le mérite de Comte dans l'établissement de l'unité des lois de l'histoire mondiale et dans l'affirmation des normes générales du développement social, N.I. Kareev souligne presque en même temps que, par principe, l'idée de progrès ne peut pas être « mathématiquement calculée ni justifiée », car le sens de progrès consiste

индивидуальности, а потому, как следствие - в непредсказуемости этого процесса с рациональной точки зрения.

б) «Чем выше стоит общество в культурном и социальном отношениях, тем более оно помогает проявлению в индивидуальной жизни и деятельности того, что вырабатывает в человеке личность» [Кареев, 2010, с.347].

с) И, заметим, это не переход к рациональным принципам мышления по Контю, а к свободе – в самом широком ее понимании: как расширению личной автономии человека, усилению его правового статуса, возможности сознательного и неподневольного объединения людей в те или иные сообщества.

avant tout dans la « libération de la personne », dans le renforcement de l'individualité humaine, compte tenu que ce processus est imprévisible du point de vue rationnel. Plus la société est avancée dans le domaine culturel et social, plus elle contribue à la manifestation, dans la vie individuelle et active, de ce qui forme dans l'homme la personne [Kareev, 2010, p. 347]. Notons que cela ne constitue pas un passage vers les principes rationnels de la pensée selon Comte, mais vers la liberté, dans son sens le plus large : comme expansion de l'autonomie personnelle de l'homme, renforcement de son statut juridique, possibilité pour les hommes de se réunir de façon volontaire et consciente dans telle ou telle communauté. conscient des gens dans cette ou d'autres communautés.

26. Вторая линия противостояния русской социологии того времени французскому социологическому позитивизму определялась своеобразием исследовательского интереса к проблеме социальной обусловленности личности. Для западноевропейских коллег эта проблематика традиционно, начиная с Г. Тарда и продолжая работами С. Сигеле и Г. Лебона, была центрирована не столько на проблеме личности, сколько на проблеме деперсонализации. Иными словами, - на изучении закономерностей «потери человека в человеке», процессов актуализации его безличностного начала в тех или иных условиях, прежде всего – в толпе, в массе. Для отечественных же мыслителей, напротив, приоритет приобретает, скорее, вопрос сопротивления, противостояния человека нивелирующему социальному влиянию. Интерес к этому вопросу взаимосвязан с уже отмечавшейся выше определенной психологизацией всей русской общественной мысли, выражавшейся во внимании исследователей к проблемам внутреннего мира человека. Так, с точки зрения Н.И.Кареева, в центре внимания социологии должен стоять не просто человек, а человек «как в его социальном, так и в психологическом измерении» [Кареев, 2010, с.24]. Взятый в таком понимании, он характеризуется, прежде всего, особенностями своей иррациональной, чувственной сферы, которая нередко трактуется как определяющая для сферы социальной. И потому, например, «недопустимо выводить весь общественный и нравственный строй человечества из пессимистических принципов борьбы и ненависти, вместо того, чтобы выводить его из оптимистических начал сотрудничества и любви» [Роберти, 1909, с.244]. Если же понимание иррациональных начал человеческой природы включало в себя мотивационно-потребностную сферу, то, все равно, социальное поведение человека также мыслилось как производное от нее. Так, например, «основой всякого социального общежития является психологический мотив – готовность подчинения» [Ковалевский, 1997, с.20]. Это «психологическое измерение» человека не может быть, с точки зрения русских ученых-обществоведов, позитивистски исследовано, так как оно неминуемо «ускользает» от традиционных способов научного познания, ведь «в каждой личности есть такой индивидуальный остаток, который не разложим на социальную среду и не поддается научному анализу. Это

26. Traduction Kokhanevych : *La deuxième ligne* d'opposition de la sociologie russe de cette époque au positivisme sociologique français se caractérisait par un intérêt original pour le problème du conditionnement social de la personne. Pour les collègues d'Europe occidentale, cette problématique, initiée par G. Tarde et poursuivie avec les travaux de S. Sigel et G. Lebon, était centrée plutôt sur le problème de la dépersonnalisation que sur celui de la personne. En d'autres termes, elle était centrée sur l'étude des normes de « la perte de l'homme dans l'homme », des processus d'actualisation de son principe impersonnel dans telles ou telles conditions, et surtout, dans la foule, dans la masse. Pour les penseurs russes, la priorité est accordée à la question de la résistance, de l'opposition de l'homme à l'influence nivelante de la société. L'intérêt pour cette question était lié, comme on l'a déjà remarqué plus haut, à une certaine psychologisation de toute la pensée sociale russe, s'exprimant dans l'attention des chercheurs pour les problèmes du monde intérieur de l'homme. Ainsi, du point de vue de Kareev, ce n'est pas simplement l'homme qui doit être au centre de l'attention de la sociologie, mais l'homme « dans sa dimension sociale autant que psychologique » [Kareev, 2010, p. 24]. Ainsi compris, l'homme se caractérise avant tout par les particularités de sa sphère sensible, irrationnelle, qui est souvent considérée comme déterminante pour la sphère sociale. Et c'est pourquoi, par exemple, « il est inadmissible de déduire tout l'ordre social et moral de l'humanité de principes pessimistes de lutte et de haine au lieu de le déduire de principes de collaboration et d'amour » [de Robertis, 1909, p. 244]. Si donc la compréhension des fondements irrationnels de la nature humaine contenait en elle la sphère relative à l'ordre du besoin, alors de toute façon, le comportement social de l'homme serait pensé également comme dérivant d'elle. Ainsi, par exemple, « le motif psychologique qui est la propension à la soumission est la base de toute vie sociale en communauté » [Kovalevskij, 1997, p. 20]. Cette « dimension psychologique » de l'homme ne peut être, selon les savants russes en sciences sociales, ne peut être explorée de façon positive, puisqu'elle « échappe » inévitablement aux moyens traditionnels de la connaissance scientifique, car « il y a dans chaque personne un résidu individuel que l'on ne peut pas laisser se perdre dans le milieu social et qui ne peut pas être soumis à l'analyse scientifique. Cet individuel, cher à tout homme, en tant que vécu propre, ne

индивидуальное дорого каждому человеку как его собственное переживание, и воспроизведено оно может быть только в искусстве» [Бердяев, 1999, с.201]. Единственную альтернативу искусству в этом смысле может составить лишь «общественная психология» (то есть – социальная в современном прочтении), которая и должна лечь в основу всех гуманитарных наук [Ковалевский, 1997].

peut aussi être reproduit que dans l'art » [Berdjaev, 1999, p. 201]. « Seule, la psychologie sociale (c'est-à-dire sociale dans une lecture contemporaine), devant se trouver à la base de toutes les sciences humaines, peut constituer en ce sens l'unique alternative à l'art [Kovalevskij, 1997].

27. Однако подобная уникальность переживаний, неповторимость внутреннего мира человека не есть, с точки зрения русских исследователей, препятствие для установления социальных взаимосвязей, для «замирения». Напротив – именно с позиций осознанного принятия Других, обладающих столь же неповторимым миром собственных переживаний, трактуется ими факт социального взаимодействия, и в этом также состоит определенная оппозиция французской социологической школе.

Так, для Э.Дюркгейма социальные факты (в виде коллективных представлений) обладают абсолютной принудительной силой по отношению к индивидуальному сознанию и потому остаются всегда выше человеческого понимания [Дюркгейм, 1995].

А с точки зрения, например, К.М. Тахтарева личность со всем ее уникальным строем создается в общении и взаимодействии с другими, и даже «герой», возвышающийся над «толпой» мыслится как производная от этих актов социального взаимодействия: «величие каждой выдающейся личности создается столько же ею самой, сколько и теми людьми, которые в ней нуждаются и ей сочувствуют» [Тахтарев, 2006, с.277].

Поэтому, по мысли исследователя, «выделить личность из общества можно лишь произвольно, как ... вырубить какое-нибудь дерево из целого леса», ибо «личность и общество суть действительно лишь две стороны одной и той же общественной жизни людей, и тот, кто не понимает этого, тот никогда не поймет должным образом ни личности, ни общественной жизни» [там же, с.278-280].

Характерно при этом, что данный акцент на человеческой коммуникации и взаимодействии в трактовке природы «личности» (который, заметим, позднее будет развит П. Сорокиным в контексте анализа предмета социологии в целом) был тесно связан с аксиологически окрашенным пониманием самой коммуникации. А именно – с оценкой ее, прежде всего, с точки зрения справедливости, что заставляло в идеальном плане представлять социальное взаимодействие как пространство личностного развития каждого его участника.

Подобные трактовки сущности социального прогресса и природы человека не могли не отражаться на переосмыслении русскими социологами самих принципов познания в общественных науках, и в этом состоит, как уже отмечалось выше, на наш взгляд, *третья линия* скрытой научной

27. Traduction Lugovskaia, Sherenkova et Soldtakina : Cependant, du point de vue des chercheurs russes, une telle originalité des vécus, la singularité du monde intérieur de l'homme ne représentent pas un obstacle à l'établissement des liens sociaux et de la « paix sociale ». Au contraire, précisément c'est avec de telles positions, prenant en compte les Autres, leur monde tellement singulier et leurs vécus propres, que les chercheurs traitent de la coopération sociale. C'est en cela que consiste une opposition aussi déterminée à l'école sociologique française. Ainsi, pour E. Durkheim, les faits sociaux (sous la forme des représentations collectives) possèdent une force absolue de coercition par rapport à la conscience individuelle et c'est pourquoi ils restent toujours au-dessus de la compréhension humaine.

Du point de vue de K.M. Takhtareva, par exemple, la personne, avec tout le substrat qui lui est propre, se crée dans ses relations et ses liens réciproques avec les autres, et même le « héros » qui s'élève au dessus de la « foule » est pensé comme une dérivée de ces actes d'interaction sociale : « La grandeur d'une personne hors du commun est créée autant par la personne elle-même que par les gens qui ont besoin d'elle et qui sont en empathie avec elle » [Tahtarev, 2006, p. 277]. C'est pourquoi, pour Takhtarev, « c'est seulement arbitrairement que l'on peut distinguer la personne de la société, ...comme ce serait d'abattre un arbre à partir de la forêt tout entière », car « la personne et la société ne sont en fait que les deux côtés de la seule vie sociale des gens, et celui qui ne le comprend pas, ne comprendra jamais comme il se doit ni la personne, ni la vie sociale » [idem, p. 278-280].

En outre, il est caractéristique que l'accent mis sur la communication humaine et l'interaction dans le traitement de la nature de la « personnalité » (qui, remarquons le, sera développé plus tard par Sorokine, dans le contexte de l'analyse de l'objet de la sociologie dans son ensemble) était étroitement lié à la compréhension, teintée d'axiologie, de la communication elle-même. Précisément, les jugements de valeur, et avant tout ceux de la justice, impliqués par cette dernière, obligeaient au plan idéal à présenter l'interaction sociale comme l'espace de développement personnel de chacun de ses participants.

De telles interprétations de l'essence du progrès social ne pouvaient pas ne pas se refléter dans l'approche renouvelée par les sociologues russes des

полемики французской и русской социологии в рассматриваемый исторический период, имевшая значение для понимания проблемы личности и общества. В противоположность доминанте позитивизма своих французских коллег для русских исследователей было характерно следующее.

Во-первых, это утверждение идеи полидетерминизма общественных явлений: «все стороны общественной жизни тесно связаны между собой и воздействуют друг на друга» [Ковалевский, 1997], а потому «так же как психология не может быть сведена к отдельной функции, так и социология не может обойтись одним причинно-следственным утверждением» [Кареев, 1996].

Из этой позиции вытекало, во-вторых, своеобразное отношение русских социологов к возможностям использования методов точных наук в гуманитарном знании. При всем бурном развитии в то время прикладных социологических исследований, неотделимых от использования статистических методов анализа, в отношении к последним сохраняется изрядная доля скептицизма. По словам М.М.Ковалевского, «статистический прием может укрепить уверенность или, наоборот, породить сомнение в правильности выводов, *независимо* от него установленных» [там же, с.23]. И это понятно – там, где нет места одномерности, однофакторности какого бы то ни было развития (личности или общества), принцип жесткой детерминации не может быть применен, а потому и «роковой ошибкой было бы всякое злоупотребление логикой, всякое допущение, что из одного факта наличности тех или других условий ... необходимо вытекают и все остальные» [там же, с.324].

Поэтому, в-третьих, возникновение и развитие любых концепций в русской общественной мысли того времени сопровождалось активным методическим поиском. В качестве центральных методов для отечественных исследователей на тот момент времени выступают исторический и сравнительный методы, нередко (как, например, в «генетической социологии» К.М. Тахтарева) взятые в неразрывном единстве. Следует заметить, что позиция К.М. Тахтарева является достаточно показательной в этом отношении.

principes mêmes de la connaissance dans les sciences sociales. C'est là où réside, de notre point de vue et comme nous l'avons remarqué plus haut, la *troisième ligne* de la polémique de la sociologie française et russe, à l'époque envisagée – polémique qui a une signification dans la compréhension du problème de la personne et de la société. En opposition à la dominante positiviste de leurs collègues français, les chercheurs russes peuvent se caractériser de la manière suivante.

Premièrement, il s'agit de l'affirmation de l'idée d'un déterminisme mutuellement pluriel des phénomènes sociaux : « Tous les faces de la vie sociale sont étroitement liées entre elles et s'influencent mutuellement » (Kovalevski, 1997), et c'est pourquoi « de même que la psychologie ne peut pas être réduite à une fonction séparée, de même la sociologie ne peut pas se passer d'une affirmation basée sur le principe de causalité [Kareev, 1996].

Deuxièmement, de cette position dérivait la relation originale des sociologues russes aux possibilités d'utiliser les méthodes des sciences exactes dans les sciences humaines. Au moment où, à cette époque se développaient fortement les recherches sociologiques appliquées, inséparables de l'utilisation des méthodes statistiques d'analyse, se conservait aussi, par rapport à ces méthodes, un certain scepticisme. D'après les paroles de M.M. Kavalevski, « le procédé statistique peut affermir la certitude ou bien, au contraire, engendrer le doute sur la justesse des conclusions établies indépendamment de lui » [*ibid.*, p. 23]. Et c'est compréhensible : là où il n'y a pas de place pour l'unidimensionnel, l'unifactoriel, quel que soit le développement envisagé (de la personne ou de la société), on ne peut appliquer le principe de détermination stricte, et c'est pourquoi « il y aurait une erreur fatale à abuser de la logique et à admettre que, du seul fait de la présence de telles ou telles conditions ... l'on puisse déduire nécessairement toutes les autres » [*ibid.*, § 324].

C'est pourquoi, troisièmement, l'apparition et le développement de n'importe quelle conception dans la pensée sociale russe de cette époque était accompagnée d'une active recherche méthodique. Pour les chercheurs russes de cette période, les méthodes historiques et comparatives semblent des méthodes centrales, fréquemment (comme, par exemple, dans la « sociologie génétique » de K.M. Takhtarev) reliées dans une unité indissoluble. Il faut remarquer que la position de K.M. Takhtarev est assez

<p>Так, признавая точные, статистические методы как "...самое действительное средство устанавливать социологические законы, что и составляет конечную цель социологии как науки о закономерности явлений общественной жизни" [Тахтарев, 2006, с. 75], как способ, позволяющий устанавливать повторяемость однородных явлений в социальных процессах, он значительно больше усилий прикладывает для утверждения целого спектра других, менее точных и «жестких», методов социальных наук.</p> <p>И характерно, что в заключение своей характеристики методов исследования в гуманитарных науках К.М. Тахтарев специально оговаривает принципиальное методологическое ограничение количественных методов: устанавливая повторяемость и взаимосвязь явлений, они не объясняют их причины.</p> <p>Для перехода от описания к объяснению социальной реальности и личности исследователь предлагает использовать общие логические принципы, изложенные в известной "Системе логики" Дж.С.Милля, (метод сопутствующих изменений, метод различий, метод остатков).</p> <p>Но использование и этих общих логических приемов возможно лишь с учетом специфики социальных явлений, состоящей в многофакторности и многозначности взаимосвязей.</p> <p>Одной из несомненных методических заслуг этого исследователя, в значительной степени обогнавшего свое время, станет так называемая «гипотеза третьей переменной», согласно которой наличие корреляционной статистической связи при сопутствующих друг другу изменениях должно быть проверяемо на предмет опосредующего влияния некоторого дополнительного фактора.</p> <p>Иными словами, по образному выражению самого К.М. Тахтарева, при изучении человека и общества всегда следует помнить, что «вместе - не значит потому что» [там же, с. 78].</p> <p>Следует отметить, что приверженность историческому и сравнительному методам была характерна для большинства представителей русской общественной мысли того времени.</p> <p>С этих же позиций, например, происходила критика русскими социологами концепции Г. Тарда.</p> <p>Так, например, признавая справедливость понимания французским мыслителем в качестве источника социального развития взаимодействие</p>	<p>démonstrative à cet égard.</p> <p>28. Ainsi, tout en reconnaissant la précision des méthodes statistiques en tant que « moyen le plus efficace pour établir les lois sociales, ce qui représente le but final de la sociologie comme science de la régularité des phénomènes de la vie sociale » [Takhtarev, 2006, p. 75], et en tant que procédé permettant d'établir une répétition des phénomènes homogènes dans les processus sociaux, il [Takhtarev] dépense beaucoup plus d'énergie à fonder tout le spectre des autres méthodes des sciences sociales, moins précises et moins « rigoureuses ». Il est caractéristique qu'en conclusion de sa caractérisation des méthodes de recherche en sciences humaines, K.M. Takhtarev dénonce spécialement la principale limitation méthodologique des méthodes quantitatives : en établissant la régularité et les liens réciproques des phénomènes, elles n'expliquent pas leurs causes. Pour le passage de la description à l'explication de la réalité sociale et de la personne, le chercheur propose d'utiliser les principes logiques généraux, exposés dans le célèbre « système de logique » de J.S. Mill (la méthode des changements concomitants, la méthode des variations, la méthode des résidus). Mais l'usage de ces procédés logiques généraux n'est possible qu'avec la caution de la spécificité des phénomènes sociaux, qui réside dans la multiplicité des facteurs et des significations des liens réciproques.</p> <p>L'un des mérites méthodologiques incontestables de ce chercheur, qui dans une large mesure a dépassé son temps, réside dans ce qu'on a appelé « l'hypothèse d'une troisième variable », selon laquelle la présence d'un lien corrélatif statistique lors de changements concomitants doit être vérifiée en tenant compte de l'influence médiatrice d'un facteur supplémentaire. En d'autres termes, selon l'expression imagée de K.M. Takhtarev, on doit toujours, quand on étudie l'homme et la société, se souvenir que « ensemble, cela ne signifie pas parce que » [<i>ibid.</i>, p. 78].</p> <p>Il faut noter que l'attachement aux méthodes historiques et comparatives était caractéristique de la majorité des représentants de la pensée russe de cette époque. Ainsi, la critique des conceptions de G. Tarde par les sociologues russes s'appuyait sur les mêmes positions. Par exemple, tout en reconnaissant que le penseur français est dans le juste lorsqu'il envisage l'interaction des découvertes et des imitations comme source du développement social, M.M. Kovalevsky le critique ensuite lorsqu'il admet le caractère universel de l'application des lois de l'imitation. Selon son</p>
--	--

открытий и подражаний, М.М.Ковалевский далее критикует его за допущение безграничности действия законов подражания.

С его точки зрения, они имеют очевидные ограничения в виде «элементов самостоятельного творчества» как отдельных людей, так и социальных групп, а потому при всем единстве истории человечества, общности законов его культурного развития всегда остается необходимость сравнительно-исторического анализа отдельных его элементов.

Предельным же выражением этих, уже антипозитивистских по своей сути позиций, станет значительно обогнавшее свое время введение Н.И.Кареевым понятия «феноменологические науки», к которым им будет впоследствии отнесена и социология, в антитезе номологическим [Кареев, 1996].

Итак, подведем некоторые *итоги*.

Что же было специфичным в трактовке проблемы личности и общества для русской общественной мысли рубежа девятнадцатого и двадцатого веков?

В чем состояли основные принципы анализа данной проблемы для отечественных мыслителей того времени?

Прежде всего, во-первых, это признание проблемы личности как центральной проблемы всех общественных наук, выдвижение ее в качестве основного предмета анализа.

Далее, во-вторых, это своеобразный ракурс решения данной проблемы, а именно утверждение принципиальной взаимосвязи личностного и социального развития, рассмотрение его через призму возможных ответов на вопрос о сущности социального прогресса.

В-третьих, придание при решении данной проблемы самостоятельного научного статуса категории взаимодействия, понимаемого и как общее основание человеческой солидарности, и как реальная практика становления и развития личности.

В-четвертых, это очевидная «психологизация» данной проблематики, выражавшаяся как в утверждении примата ценностного выбора человека в становлении его «личности», так и во внимании к эмоциональной сфере, переживаниям, сопровождающим его жизнедеятельность.

И, наконец, в-пятых, подобные трактовки закономерно приводили к определенным методологическим «рамкам» анализа проблемы личности и общества, что имело свое отдаленное гносеологическое значение для последующего развития социологической и социально-психологической

point de vue, elles ont des limites évidentes sous la forme « d'éléments de création autonome » appartenant soit à des personnes distinctes, soit à des groupes sociaux ; et c'est pour cela que malgré toute l'unité de l'histoire de l'humanité, malgré la généralité des lois de son développement culturel, la nécessité de l'analyse comparative et historique des éléments distincts demeure toujours.

L'expression maximale de ces positions, au fond antipositivistes, se retrouvera, chez Kareev, dans l'introduction du concept de « science phénoménologique » ; à ce concept, très en avance sur son temps, sera rapportée plus tard la sociologie en antithèse nomologique [Kareev, 1996].

Et donc, faisons quelques *bilans*.

Qu'y avait-il de spécifique dans le traitement du problème de la personne et de la société pour la pensée sociale russe à la charnière du XIXe et du XXe siècle ? Quels étaient les principes fondamentaux de l'analyse d'un problème donné pour les penseurs russes de cette époque ?

Avant tout, en premier, il y a la reconnaissance du problème de la personne en tant que problème central de toutes les sciences sociales, sa mise en avant en tant qu'objet fondamental de l'analyse.

Ensuite, en second lieu, il y a un raccourci original dans la solution d'un problème donné, et précisément l'affirmation du lien réciproque et de principe entre le développement de la personne et celui de la société, envisagé à travers le prisme des réponses possibles à la question de l'essence du progrès social.

Troisièmement : l'attribution, lors de la résolution du problème du statut scientifique, de la catégorie d'interaction, comprise comme fondement général de la solidarité humaine, et comme pratique réelle de la formation et du développement de la personne.

Quatrièmement : une « psychologisation » évidente de la problématique donnée, s'exprimant autant dans l'affirmation du primat du choix axiologique de l'homme dans le devenir de sa « personnalité », que dans l'attention accordée à la sphère émotionnelle, aux vécus qui accompagnent son activité de vie.

Et enfin, cinquièmement, de telles interprétations ont conduit à établir des « cadres » méthodologiques de l'analyse du problème de la personne et de la société, ce qui eut une signification gnoséologique pour le développement ultérieur de la pensée sociologique et psychosociologique en Russie.

мысли в России.

Основными такими методологическими «рамками» являлись: представления об ограниченности причинно-следственных интерпретаций в случае, если речь идет о социальной природе человека; необходимость многофакторного анализа в изучении процессов личностного и социального самоопределения; утверждение холистического подхода к пониманию личности.

Ces « cadres » méthodologiques fondamentaux étaient : l'idée du caractère limité des interprétations causales lorsqu'il s'agit de la nature sociale de l'homme ; la nécessité d'une analyse multifactorielle dans l'étude des processus d'autodétermination de la personne et de la société ; l'affirmation d'une approche holistique dans la compréhension de la personne.

–Bibliographie

- ANDREEVA [Andreieva] G.M., 2009 : « Itogi stoletija (k voprosu o progresse v socialnoj psihologii) » [Bilan du siècle (la question du progrès en psychologie sociale)], Andreeva G.M., (éd.) *Socialnaja psihologija segodnja: poiski i razmyšlenija* [La psychologie sociale aujourd'hui : recherches et réflexions], Moscou, NOU VPO MPSI, p. 7-36.
- ARON A., 1992: *Étapy razvitija sociologičeskoj mysli* [Étapes du développement de la pensée sociologique], trad. Gurevitch [Gurevič] P.S., Moscou, Progress, p. 608.
- BERDJAEV [Berdiaev] N.A., N.K. MIHAJLOVSKIJ [Mikhaïlovski], B.N. ČIČERIN [Tchitcherine], 1989: « O ličnosti, racionalizme, demokratizme i proč. » [De l'individu, du rationalisme, de la démocratie etc.], (éd.) *Tipy religioznoj mysli v Rossii* [Types de la pensée religieuse en Russie], Paris, YMCA-Press, p. 179-196.
- BERDJAEV N.A., 1992 : « Bunt i pokornost' v psihologii mass » [Rébellion et résignation dans la psychologie des masses], *Intelligencia - Vlast' - Narod: Russkie istočniki sovremennoj social'noj filofofii: antologija* [Intelligentsia, Pouvoir, Peuple : sources russes de la philosophie sociale moderne. Anthologie], Moscou, Nauka, p. 117-124
- –, 1999 : *Sub'ektivizm i individualizm v obščestvennoj filosofii. Kritičeskij etjud o N.M. Mihajlovskom* [Subjectivisme et individualisme en philosophie sociale. Une étude critique de N.M. Mikhaïlovski], Moscou, Canon +.
- DE ROBERTIS E.V., 1909 : *Novaja postanovka osnovnyh voprosov sociologii* [Nouvelle présentation des enjeux majeurs de la sociologie], Moscou.
- DURKHEIM E., 1995 : *Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznačenie* [La Sociologie. Son objet, sa méthode, sa fonction], trad. HOFFMAN A.B., Moscou, Canon.
- GOLOSENKO I.A., V.V. KOZLOVSKIJ [Kozlovski], 1995 : *Istorija rossijskoj sociologii XIX-XX v.* [L'Histoire de la sociologie russe en XIX-XX siècles.], Moscou, Onega.
- GOLOSENKO I.A., 2001: « Evgenij de Roberti: intelektual'nyj profil' » [Eugène de Robertis : un profil intellectuel], *Sociologičeskie issledovanija* [Les recherches sociologiques], N°2, p. 99-107
- GUTNOV D., *Russkaja vysšaja škola obščestvennyh nauk v Pariže 1901-1906 g.g.* [École russe des sciences sociales de Paris (1901-1906)], Moscou, ROSSPEN.
- HVOSTOV [Khvostov] V.M., 1917 : *Sociologija. Istoričeskij očerk učenij ob obščestve* [Sociologie. Essai historique des doctrines de la société], Moscou.
- JADOV [Iadov] V.A., 1998 : *Sociologija v Rossii* [Sociologie en Russie], Moscou, Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN, p. 696.
- KAREEV N.I., 2010: *Izbrannye trudy* [Œuvres choisies], Moscou, ROSSPEN
- –, 1996 : *Osnovy rusškoj sociologii* [Fondement de la sociologie russe], SPb, Izdatel'stvo Ivana Limbaha.
- KOVALEVKIJ [Kovalevki] M.M., 1997: « Sociologija » [Sociologie], *Sočinenija* [Œuvres]: t. II, SPb, Aleteïa.
- –, 1997: « Psihologičeskie školy v sociologii » [Les Écoles psychologiques de sociologie], *Sočinenija* [Œuvres]: t. II, SPb., Aleteïa, p. 7-93.
- LEBON, G., 1898 : *Psihologija narodov i mass* [Psychologie des peuples et des masses], SPb., Izdatel'stvo F. Pavlenkova, p. 316.
- MIHAJLOVSKIJ [Mikhaïlovki] N.K., 1998 : *Geroi i tolpa: Izbrannye trudy po sociologii: v 2 t.* [Le Héros et la Foule: Œuvres choisies sur la sociologie: 2 tomes], SPb., Aleteïa.
- –, 1999 : « Literatura i žizn' » [La Littérature et la vie], BERDJAEV N.A., *Sub'ektivizm i individualizm v obščestvennoj filosofii: Kritičeskij etjud o N.K. Mihajlovskom* [Subjectivisme et individualisme en philosophie sociale. Une étude critique de N.M. Mikhaïlovski], Moscou, Canon+, p. 305-354.
- OLŠANSKIJ [Olshanski] V.B., 1998 : « Ličnost' v rossijskoj sociologii i psihologii » [La Personne dans la sociologie et la psychologie russe], (ed.) JADOV [Iadov] V.A. *Sociologija v Rossii* [Sociologie en Russie], 2ème éd., Moscou, Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN, p. 696.

- PETRAŽICKIJ [Petrajičski] L.I., 2010 : *Vvedenie v izučenie prava i npravstvennosti: osnovy emocional'noj psihologii* [Introduction à l'étude du droit et de la morale: fondements de la psychologie affective], 2ème éd., Moscou, URSS, p. 311.
 - TARDE G., 1892 : *Zakony podražanija* [Règles de l'imitation], Saint-Pétersbourg, p. 372.
 - –, 1902 : *Obščestvennoe mnenie i tolpa* [L'Opinion publique et la foule], Moscou, p. 202.
 - –, 1903 : *Ličnost' i tolpa. Očerki po social'noj psihologii* [La Personne et la foule. Essais en psychologie sociale], SPb., p. 178.
 - TAHTAREV [Takhtarev] K.M., 1917 : *Svoboda i vlast' (Političeskoe razmyšlenie* [La liberté et le pouvoir (réflexion politique)], Petrograd.
 - –, 1919 : *Nauka ob obščestvennoj žizni, ee javlenijah, ih sootnošenijah i zakonomernostjah. Opyt izučenija obščestvennoj žizni i postroenija sociologii* [La Science de la vie sociale et de ses phénomènes, de leurs relations et de leurs lois. Expérience d'étude de la vie sociale et d'élaboration de la sociologie], Petrograd, «Kooperacija».
 - –, 2006 : *Sociologičeskie trudy* [Œuvres sociologiques], SPb., Izdatel'stvo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, p. 840.
 - ZDRAVOMYSLOV A.G., 2007 : « Nacional'nye sociologičeskie školy v sovremennom mire » [L'École nationale de sociologie dans le monde moderne], *Obščestvennye nauki i sovremennost'* [Les Sciences sociales et le monde actuel], N°5, p. 114-130.
 - ZEN'KOVSKIJ [Zenkovski] V.V., « N.N. Strahov, L.N. Tolstoj, N.K. Mihailovskij » [N.N. Strakhov, L.N. Tolstoï, N.K. Mikhaïlovski], ZEN'KOVKIJ V.V., *Russkie mysliteli i Evropa: Kritika evropejskoj kul'tury u russkih myslitelej* [Les Penseurs russes et l'Europe: une critique de la culture européenne chez les penseurs russes], Moscou, Respublika, p. 86-102.
-